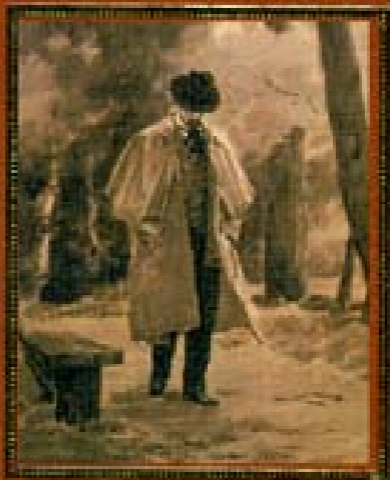

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

Л. ТОЛСТОЙ
И ЕГО ТВОРЧЕСТВО
В ДВАХ ТОМАХ
ТОМ ПЕРВЫЙ
СЕРИЯ ПЕРВАЯ

Лев Николаевич Толстой

**Власть тьмы, или «Коготок
увяз, всей птичке пропасть»**
(Пьесы)

Содержание

Действие первое	0008
#1	0008
Явление первое	0009
Явление второе	0010
Явление третье	0011
Явление четвертое	0012
Явление пятое	0013
Явление шестое	0014
Явление седьмое	0015
Явление восьмое	0015
Явление девятое	0018
Явление десятое	0019
Явление одиннадцатое	0025
Явление двенадцатое	0030
Явление тринадцатое	0031
Явление четырнадцатое	0034
Явление пятнадцатое	0036
Явление шестнадцатое	0037
Явление семнадцатое	0038
Явление восемнадцатое	0038
Явление девятнадцатое	0041
Явление двадцатое	0043
Явление двадцать первое	0044
Действие второе	0045
#1	0045

Явление первое	0046
Явление второе	0046
Явление третье	0047
Явление четвертое	0047
Явление пятое	0049
Явление шестое	0049
Явление седьмое	0051
Явление восьмое	0054
Явление девятое	0058
Явление десятое	0059
Явление одиннадцатое	0059
Явление двенадцатое	0060
Явление тринадцатое	0062
Явление четырнадцатое	0063
Явление пятнадцатое	0065
Явление шестнадцатое	0067
Явление семнадцатое	0068
Явление восемнадцатое	0069
Явление девятнадцатое	0072
Явление двадцатое	0073
Явление двадцать первое	0073
Явление двадцать второе	0074
Явление двадцать третье	0075
Явление двадцать четвертое	0075
Действие третье	0076
#1	0076
Явление первое	0077
Явление второе	0079

Явление третье	0080
Явление четвертое	0084
Явление пятое	0085
Явление шестое	0091
Явление седьмое	0093
Явление восьмое	0095
Явление девятое	0097
Явление десятое	0098
Явление одиннадцатое	0102
Явление двенадцатое	0102
Явление тринадцатое	0104
Явление четырнадцатое	0105
Явление пятнадцатое	0106
Явление шестнадцатое	0109
Явление семнадцатое	0109
Явление восемнадцатое	0109
Действие четвертое	0111
#1	0111
Явление первое	0112
Явление второе	0113
Явление третье	0113
Явление четвертое	0116
Явление пятое	0117
Явление шестое	0118
Явление седьмое	0119
Явление восьмое	0119
Явление девятое	0120
Явление десятое	0121

Явление одиннадцатое	0122
Явление двенадцатое	0124
Явление тринадцатое	0126
Явление четырнадцатое	0127
Явление пятнадцатое	0130
Явление шестнадцатое	0131
Вариант	0132
#1	0132
Сцена вторая	0132
Действие пятое	0146
#1	0146
Сцена первая	0147
Сцена вторая	0163

Лев Николаевич Толстой Власть тьмы, или «Коготок увяз, всей птичке пропасть» драма в пяти действиях

А я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем.

Если же правый глаз соблазняет тебя, вырви его и брось от себя, ибо лучше, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну.

Мф. V, 28, 29

Действие первое

Лица первого действия

Петр – мужик богатый, 42-х лет, женат 2-м браком, болезненный.

Анисья – его жена, 32-х лет, щеголиха.

Акулина – дочь Петра от первого брака, 16-ти лет, крепка на ухо, дурковатая.

Анютка – вторая дочь, 10-ти лет.

Никита – их работник, 25-ти лет, щеголь.

Аким – отец Никиты, 50-ти лет, мужик невзрачный, богобоязненный.

Матрена – его жена, 50-ти лет.

Марина – девка-сирота, 22-х лет.

Действие происходит осенью в большом селе. Сцена представляет просторную избу Петра. Петр сидит на лавке, чинит хомут, Анисья и Акулина прядут.

Явление первое

Петр, Анисья и Акулина. *Последние поют в два голоса.*

Петр *(выглядывает из окна).* Опять лошади ушли. Того и гляди, жеребенка убьют. Микита, а Микита! Оглох! *(Прислушивается. На баб:)* Будет вам, не слышать ничего.

Голос Никиты *(с надворья).* Чего?

Петр. Лошадей загони.

Голос Никиты. Загоню, дай срок.

Петр *(качая головой).* Уж эти работники! Был бы здоров, ни в жисть бы не стал держать. Один грех с ними... *(Встает и опять садится.)* Микит!.. Не докличешься. Подите, что ль, кто из вас. Акуль, поди загони.

Акулина. Лошадей-то?

Петр. А то чего ж?

Акулина. Сейчас. *(Уходит.)*

Явление второе

П*етр и Анисья.*

Петр. Да и лодырь малый, нехозяйственный. Коли повернется, коли что.

Анисья. Сам-то ты больно шустер, с печи да на лавку. Только с людей взыскивать.

Петр. С вас не взыскивать, так в год дома не найдешь. Эх, народ!

Анисья. Десять делов в руки сунешь, да и ругаешься. На печи лежа приказывать легко.

Петр (*вздыхая*). Эх, кабы не хворь эта привязалась, и дня бы не стал держать.

*За сценой голос Акулины: «Псе, псе, псе...»
Слышно, жеребенок ржет, и лошади вбегают
в ворота. Ворота скрипят.*

Бахарить – вот это его дело. Право, не стал бы держать.

Анисья (*передразнивая*). Не стану держать. Ты бы сам поворочал, тогда бы говорил.

Явление третье

Т*е же и Акулина.*

Акулина (*входит*). Насилу загнала. Всё чалый...

Петр. Микита-то где ж?

Акулина. Микита-то? На улице стоит.

Петр. Чего ж он стоит?

Акулина. Чего стоит-то? Стоит за углом, калякает.

Петр. Не добьешься от нее толков. Да с кем калякает-то?

Акулина (*не расслышав*). Чего?

Петр махает на Акулину рукой; она садится за пряжу.

Явление четвертое

Т*е же и Анютка.*

Анютка (*вбегает. К матери*). К Микитке отец с матерью пришли. Домой берут жить, однова дыхнуть.

Анисья. Врешь?

Анютка. Пра! сейчас умереть! (*Смеется.*) Я мимо иду, Микита и говорит: прощай, говорит, теперь, Анна Петровна. Приходи ужо ко мне на свадьбу гулять. Я, говорит, ухожу от вас. Смеется сам.

Анисья (*к мужу*). Не больно тобою нуждаются. Вон он и сам сходить собрался... «Сгоню!», говорит...

Петр. И пуцай идет; разве других не найдут?

Анисья. А деньги-то зададены?..

Анютка подходит к двери, слушает, что говорят, и уходит.

Явление пятое

Анисья, Петр и Акулина.

Петр (хмурится). Деньги, коли что, летом отслужит.

Анисья. Да ты рад отпустить, – тебе с хлеба долой. Да зиму-то я одна и ворочай, как мерин какой. Девка-то не больно охоча работать, а ты на печи лежать будешь. Знаю я тебя.

Петр. Да что, ничего не слыхамши, попусту язык трепать.

Анисья. Полон двор скотины. Не продал корову-то и овец всех на зиму пустил, корму и воды не наготовишься, – а работника отпустить хочешь. Да не стану я мужицкую работу работать! Лягу, вот как ты же, на печь – пропадай все; как хочешь, так и делай.

Петр (к Акулине). Иди за кормом-то, что ли, – пора.

Акулина. За кормом? Ну, что ж. *(Надевает кафтан и берет веревку.)*

Анисья. Не буду я тебе работать. Буде уж, не стану. Работай сам.

Петр. Да буде. Чего взбеленилась? Ровно овца круговая.

Анисья. Сам ты кобель бешеный! Ни работы от тебя, ни радости. Только поедом ешь. Кобель потрясучий, право.

Петр (*плюет и одевается*). Тьфу ты! Прости, господи! Пойти узнать толком. (*Выходит.*)

Анисья (*вдогонку*). Гнилой черт, носастый!

Явление шестое

Анисья и Акулина.

Акулина. Ты за что батю ругаешь?

Анисья. Ну тебя, дура. Молчи.

Акулина (*подходит к двери*). Знаю, чего ругаешь. Сама дура, пес ты. Не боюсь я тебя.

Анисья. Ты чего? (*Вскакивает и ищет, чем бы ударить.*) Мотри, я тебя рогачом.

Акулина (*отворив дверь*). Пес ты, дьявол, вот ты кто! Дьявол, пес, пес, дьявол! (*Убегает.*)

Явление седьмое

Анисья одна.

Анисья (*задумывается*). На свадьбу, говорит, приходи. Это что ж они вздумали? женить? Мотри, Микитка: коли это твои умыслы, я то сделаю... Нельзя мне без него жить. Не пущу я его.

Явление восьмое

Анисья и Никита.

Никита (*входит, оглядываясь. Видя, что Анисья одна, быстро подходит к ней. Шепотом*). Что, братец ты мой, беда. Приехал родитель, снимать хочет, – домой идти велит. Окончательно, говорит, женим тебя, и живи дома.

Анисья. Что же, женись. Мне-то что?

Никита. Вот так – так. Я рассчитываю, как получше дело обсудить, а она вон как: жениться велит. Что ж так? (*Подмигивает.*) Аль забыла?..

Анисья. И женись, очень нужно...

Никита. Да ты что фыркаешь-то? Вишь ты, и погладиться не дается... Да ты чего?.

Анисья. А того, что бросить хочешь... А хочешь бросить, так и я не нуждаюсь. Вот тебе и сказ!

Никита. Да буде, Анисья. Разве я тебя забыть хочу? Ни в жисть. Окончательно тебя, значит, не брошу. А я так рассчитываю: что и женят, так к тебе же назад приду; только бы домой не брал.

Анисья. Очень ты мне нужен женатый-то.

Никита. Да как же, братец ты мой, – из отцовской воли опять-таки невозможно никак.

Анисья. На отца сворачиваешь, а умыслы – твои всё. Давно ты подлаживаешь с мазихой своей, с Маринкой. Она тебе это намазала. Недаром намедни прибежала.

Никита. Маринка?! Очень она мне нужна!.. Мало их вешаются-то!..

Анисья. Зачем же отец приехал? Ты велел! Обманывал ты!.. *(Плачет.)*

Никита. Анисья! веришь ты богу аль нет? Ничего-то я и во сне не видал. Окончательно знать не знаю, ведать не ведаю. Всё мой ста-

рик с своей головы уздумал.

Анисья. Сам не захочешь, так кто ж тебя, оселом, что ль, притянет?

Никита. Тоже, рассчитываю, невозможно супротив родителя будет исделать. А неохота мне.

Анисья. Упрись, да и всё.

Никита. Уперся один такой-то, так его в волостной так вспрыснули. Очень просто. Тоже не хочется. Сказывают – щекотно.

Анисья. Буде шутить-то. Ты слушай, Микита: коли ты за себя Марину возьмешь, я не знаю, что над собой сделаю... Жизни решусь! Согрешила я, закон рушила, да уж не воротаться стать. Коли да ты только уйдешь, я то сделаю...

Никита. Мне что ж уходить? Кабы я уйти хотел, я бы давно ушел. Меня как намедни Иван Семеныч приглашал в кучера... А уж жизнь какая! Не пошел же. Потому я так рассчитываю, что я всякому хорош. Если бы ты меня не любила, то другой расчет.

Анисья. То-то и помни. Старик не нынче-завтра помрет, думаю, – все грехи прикроет. Закон приму, думала, будешь хозяином.

Никита. И, что загадывать. Мне что? Я работаю, как для себя стараюсь. Меня и хозяин любит, и баба его, значит, любит. А что меня бабы любят, так я в этом не причинен, — очень просто.

Анисья. Будешь меня любить?

Никита (*обнимает ее*). Во как! Как была ты у меня в душе...

Явление девятое

Т*е же и Матрена (входит и долго крестится на образа; Никита и Анисья отстраняются друг от друга).*

Матрена. А я что и видела, не видала, что и слышала, не слыхала. С бабочкой поиграл, — что ж? И теленок, ведашь, и тот играет. Отчего не поиграть? — дело молодое. А тебя, сынок, хозяин на дворе спрашивает.

Никита. Я за топором зашел.

Матрена. Знаю, знаю, родной, за каким топором. Этот топор все больше около баб.

Никита (*нагибается, берет топор*). Что ж, матушка, аль и вправду женить меня? Я рассчитываю, что совсем напрасно. Опять-таки и

мне бы неохота.

Матрена. И-и! Касатик, зачем женить? Живешь да живешь. Это старик все. Поди, родной, мы и без тебя все дела рассудим.

Никита. Чудно, право: то женить, а то не надо. Окончательно не разберу ничего. (*Уходит.*)

Явление десятое

Анисья и Матрена.

Анисья. Что ж, тетка Матрена, аль и вправду женить хотите?

Матрена. С чем женить-то, ягодка! Наш, ведашь, какой достаток? Так себе старичок мой зря болтает: женить да женить. Да не его ума дело. От овса, ведашь, кони не рыщут, от добра добра не ищут, – так и это дело. Разве я не вижу (*подмигивает*), к чему дело клонит.

Анисья. Что же мне, тетка Матрена, от тебя хорониться. Ты все дела знаешь. Согрешила я, полюбила сына твоего.

Матрена. Ну, новости сказала. А тетка Матрена и не знала. Эх, деушка, тетка Матрена терта, терта да перетерта. Тетка Матрена, я те-

бе скажу, ягодка, под землей-то на аршин видит. Все знаю, ягодка! Знаю, зачем молодым бабам сонных порошков надоть. Принесла. (*Развязывает узелок платка, достает в бумаге порошки.*) Чего надо, то вижу, а чего не надо, того знать не знаю, ведать не ведаю. Так-то. Тоже и тетка Матрена молодая была. Тоже с своим дураком, ведашь, умеючи прожить надо. Все семьдесят семь уверток знаю. Вижу, ягодка, зачиврел, зачиврел твой-то старик. С чем тут жить? Его вилами ткни, кровь не пойдет. Глядишь, на весну похоронишь. Принять во двор кого-нибудь да надо. А сынок чем не мужик? Не хуже людей. Так что же мне за корысть сына-то с доброго дела снять? Разве я своему детищу враг?

Анисья. Только б не сходил он от нас.

Матрена. И не сойдет, ласточка. Все глупость одна. Старика моего ведашь. Ум у него вовсе расхожий, а тоже другой раз заберет что в башку, как колом подопрет, никак не выбьешь.

Анисья. Да с чего взялось-то дело это?

Матрена. А видишь ли, ягодка, — малый, сама знаешь, до баб какой, да и красик, нече-

го сказать. Ну жил он, ведашь, на чугушке, а там у них девчонка-сирота – в куфарках жила. Ну и стала вязаться за ним девчонка эта.

Анисья. Маринка?

Матрена. Она, паралик ее расшиби. Ну и было ли что, нет ли, только и дознайся мой старик. От людей ли, или сама она ему наклевузначала!..

Анисья. Смелая же какая, подлюга!

Матрена. Вот и поднялся мой-то, дурья голова: женить, говорит, да женить, грех покрыть. Возьмем, говорит, малого домой да женим. Разговаривала всячески. Куды тебе! Ну, думаю, ладно. Дай по-иному поверну. Их, дураков, ягодка, все так-то манить надо. Всё в согласье как будто. А до чего дело дойдет, сейчас на свое и повернешь. Баба, ведашь, с печи летит, семьдесят семь дум передумает, так где ж ему догадаться. Что ж, говорю, старичок, дело хорошее. Только подумать надо. Пойдем, говорю, к сынку да посоветуем с Петром Игнатьичем. Что он скажет? Вот и пришли.

Анисья. О-ох, тетушка, как же так? Ну, как отец-то велит?

Матрена. Велит? А велье то его псу под

хвост. Уж ты не сумлевайся, не бывать этому делу, я сейчас с твоим стариком все дела просею, процежу, ничего не останется. Я и пошла с ним – один пример сделать. Как же сынок в счастье живет, счастья ждет, а я за него потаскуху сватать стану. Что ж, я дура, что ль.

Анисья. Она и сюда к нему бегала, Маринка-то. Веришь ли, тетушка, как сказали мне, что женить его, как ножом по сердцу полоснуло меня. Думаю, в сердце она у него.

Матрена. И, ягодка! Что ж, он дурак, что ли? Станет он шлюху бездомовную любить. Микишка, ведать, малый тоже умный. Он знает, кого любить. А ты, ягодка, не сумлевайся. Не снимем его ни в жизнь. И женить не станем. А деньжонок ублаготворите, и пусть живет.

Анисья. Кажется, уйди Микита, не стану на свете жить.

Матрена. Дело молодое. Легко ли! Баба ты в соку, с таким осметком жить...

Анисья. Веришь ли, тетушка, постыл, уж постыл мне мой-то кобель носастый, и не смотрели бы на него глаза.

Матрена. Да, уж это дело такое. Глянь-ка

сюда. *(Шепотом, оглядываясь.)* Была я, ведашь, у старичка этого за порошками, — он мне на две руки дал снадобья. Глянь-ка сюда. Это, говорит, сонный порошок. Дай, говорит, один — сон такой возьмет, что хоть ходи по нем. А это, говорит, такое снадобье, если, говорит, давать пить — никакого духа нет, а сила большая. На семь, говорит, разов, по щепоти на раз. До семи разов давай. И слобода, говорит, ей скоро откроется.

Анисья. О-о-о... Что ж это?

Матрона. Приметки, говорит, никакой. Рублевку взял. Меньше нельзя, говорит. Потому, ведашь, добывать их тоже хитро. Я свою, ягодка, отдала. Думаю, возьмет, не возьмет, Михайловне снесу.

Анисья. О-о! Да може, что худое от них?

Матрена. Чему худому-то быть, ягодка? Добро бы мужик твой твердый, а то что ж, только славу делает, что живет. Не жилец ведь он. Много таких-то бывает.

Анисья. О, ох, головушка моя бедная! Боюсь я, тетенька, как бы греха не было. Нет, это что ж?

Матрена. Можно и назад снести.

Анисья. Что ж их, как и те, в воде распущать?

Матрена. В чаю, говорит, лучше. Ничего, говорит, неприметно, ни духу от них нет, ничего. Тоже человек умный.

Анисья (*берет порошки*). О, о, головушка моя бедная. Пошла бы разве на такие дела, кабы не жисть каторжная.

Матрена. А рублевку-то не забудь, я пообещалась старичку занести. Тоже хлопочет.

Анисья. Уж известно. (*Идет к сундуку и прячет порошки.*)

Матрена. А ты, ягодка, потеснее держи, чтоб люди не знали. А коли что, помилуй бог, коснется, от тараканов, мол... (*Берет рубль.*) Тоже от тараканов идет... (*Обрывает речь.*)

Явление одиннадцатое

Т*е же, Петр и Аким.*
Аким входит, крестится на образа.

Петр (*входит и садится*). Так как же, дядя Аким?

Аким. Получше, Игнатъич, как бы получше, тае, получше... Потому как бы не того. Баловство, значит. Хотелось бы, тае... к делу, значит, хотелось малого-то. А коли ты, значит, тае, можно и того. Получше как...

Петр. Ладно, ладно. Садись, потолкуем.

Аким садится.

Что ж так? Аль женить хочешь?

Матрена. Женить-то и повременить можно, Петр Игнатъич. Нужда наша, сам знаешь, Игнатъич. Где тут женить. Сами живота не надышим. Где ж женить!..

Петр. Судите, как лучше.

Матрена. Женить тоже спешить некуда. Это такое дело. Не малина, не опанет.

Петр. Что ж, коли женить – дело хорошее.

Аким. Хотелось бы, значит, тае... Потому мне, значит, тае... работишка в городе, работишка выпала, сходная, значит...

Матрена. Ну уж работа! Ямы чистить. Приехал намедни, так блевала, блевала, тьфу!

Аким. Это точно, сперначала она ровно и тае, шибает, значит, дух-то, а обыкнешь – ничего, все одно, что барда, и значит, тае, сходно... А что дух, значит, тае... это нашему брату обижаться нельзя. Одежонку сменить тоже можно. Хотелось, значит, Микитку дома. Пущай оправдает, значит. Он пущай дома оправдает. А уж я, тае, в городе добуду.

Петр. Хочешь сына дома оставить, оно точно. Да забраты деньги-то как?

Аким. Это верно, верно, Игнатъич, сказал это, значит, тае, правильно, потому нанялся, продался – это пусть доживат, значит, а вот только, тае, женить; на время, значит, отпусти коли что.

Петр. Что ж, это можно.

Матрена. Да дело-то у нас несогласное. Я перед тобой, Петр Игнатъич, как перед богом откроюсь. Ты хоть нас с стариком рассуди. Заладил, что женить да женить. А на ком же-

нить-то, ты спроси! Кабы невеста настоящая, разве я своему детищу враг, а то девка с пороком...

Аким. Вот это напрасно. Напрасно, тае, носишь на девку-то. Напрасно. Потому ей, девке этой самой, обида от сына моего, обида, значит, есть. Девке, значит.

Петр. Какая же такая обида?

Аким. А выходит, значит, тае, с сыном Никиткою. С Никиткою, значит, тае.

Матрена. Ты погоди говорить, у меня язык помягче, дай я скажу. Жил это малый-то наш до тебя, сам ведать, на чугушке. И привяжись там к нему девка, так, ведашь, немудрящая, Маринкой звать, – куфаркой у них в артели жила. Так вот, показывает она, эта самая девка, на сына на нашего, что, примерно, он, Микита, будучи, ее обманул.

Петр. Хорошего тут нет.

Матрена. Да она сама непутевая, по людям шляется. Так, потаскуха.

Аким. Опять ты, значит, старуха, не тае, и все ты не тае, всё, значит, не тае...

Матрена. Вот только и речей от орла от моего – тае, тае, тае, а что тае – сам не знаешь.

Ты, Петр Игнатъич, не у меня, у людей спроси про девку, всякий то же скажет. Так – шалава бездомовная.

Петр (Акиму). Что ж, дядя Аким, коли такое дело, тоже женить незачем. Ведь не лапоть, с ноги не снимешь, хоть бы сноху.

Аким (разгорячись). Облыжно, старуха, значит, на девку, тае, облыжно. Потому девка, тае, дюже хороша, дюже хороша девка, значит; жаль мне, жаль, значит, девку-то.

Матрена. Уж прямо Маремьяна-старица, по всем мире печальница, а дома не емши сидят. Жаль девку, а сына не жаль. Навяжи ее себе на шею, да и ходи с ней. Буде пустое-то говорить.

Аким. Нет, не пустое.

Матрена. Да ты не залетай, дай я скажу.

Аким (перебивает). Нет, не пустое. Значит, ты на свое воротишь, хоть бы про девку али про себя, – ты на снос воротишь, как тебе лучше, а бог, значит, тае, на оное поворотит. Так и это.

Матрена. Эх, только с тобой язык терзать.

Аким. Девка работающая, важковатая и, значит, тае, вокруг себе... значит. А по нашей

бедности нам и тае, рука, значит: и свадьба недорогая. А дороже всего обида есть девке-то, значит, тае, сирота, вот что, девка-то. А обида есть.

Матрена. Всякая, тоже говорит...

Анисья. Ты, дядя Аким, больше слушай нашу сестру. Они тебе расскажут!

Аким. А бог-то, бог! Разве она не человек, девка-то? Значит, тоже, тае, богу-то она человек. А ты как думаешь?

Матрена. А, заладил...

Петр. А вот что, дядя Аким, тоже ведь этим девкам верить нельзя. А малый-то жив. Ведь он вот он! Послать его да спросить толком, правда ли? Он души не убьет. Покличьте малого-то!

Анисья встает.

Скажи ты, отец зовет.

Анисья уходит.

Явление двенадцатое

Т*е же без Анисьи.*

Матрена. Вот это, родной, рассудил, как водой разлил; пущай сам малый скажет. Ведь тоже по нынешнему времю силом женить не велят. Тоже спросить малого надо. Не захочет он ни в жисть на ней жениться, себя осрамить. На мой разум, пусть у тебя живет да служит хозяину. И на лето брать незачем, принанять можно. А ты нам десяточку дай, пусть живет.

Петр. Та речь впереди, порядком надо. Одно кончи, тогда другое затевай.

Аким. Я, значит, к тому говорю, Петр Игнатьич, потому, значит, тае, трафлялось. Ладишь, значит, как себе лучше, да про бога, тае, и запамятуешь; думаешь лучше... на себя воротишь, глядь, ан накошлял на шею себе, значит; думал как лучше, ан хуже много, без бога-то.

Петр. Известное дело! бога помнить надо.

Аким. Глядь, оно хуже, а как по закону, да по-божьи, все как-то, тае, оно тебя веселит.

Манится, значит. Так и угадывал себе, значит, женю, значит, малого, от греха, значит. Он дома, значит, тае, как должно по закону, а уж я, значит, тае, в городе похлопочу. Работишка-то любезная. Сходно. По-божью-то, значит, тае, и лучше. Сирота ведь тоже. Примером, леть дрова тож у приказчика взяли таким манером. Думали обмануть; приказчика-то обманули, а бога-то, значит, тае, не обманули, ну и того...

Явление тринадцатое

Т*е же, Никита и Анютка.*

Никита. *Спрашивали? (Садится, достает табак.)*

Петр *(тихо, укоризненно).* Что ж ты, аль порядка не знаешь. Тебя отец спрашивать будет, а ты табаком балуешь да сел. Поди-ка сюда, встань!

Никита становится у стола, развязно облачиваясь и улыбаясь.

Аким. Выходит, значит, тае, примерно на

тебя, Микишка, жалоба, жалоба, значит.

Никита. От кого жалоба?

Аким. Жалоба? От девицы, от сироты, значит, жалоба есть. От ней, значит, и жалоба на тебя, от Марины от этой самой, значит.

Никита (*посмеиваясь*). Чудно, право. Какая ж такая жалоба? Это кто ж тебе сказывал: она, что ли?

Аким. Я таперь, тае, спрос делаю, а ты, значит, тае, должен ответ произвести. Обвязался ты с девкой, значит, то есть обвязался ты с ней, значит?

Никита. И не пойму окончательно, чего спрашиваете.

Аким. Значит, глупости, тае, глупости, значит, были у тебя с ней, глупости, значит?

Никита. Мало что было. С куфаркой от скуки и пошутить и на гармонии поиграешь, а она попляшет. Какие же еще глупости?

Петр. Ты, Микита, не костыляй, а что спрашивает родитель, ты и отвечай толком.

Аким (*торжественно*). Микита! От людей утаишь, а от бога не утаишь. Ты, Микита, значит, тае, думай, не моги врать! Сирота она, значит, обидеть можно. Сирота, значит. Ты

говори получше как.

Никита. Да что, говорить-то нечего. Окончательно все и говорю, потому и говорить нечего. (*Разгорячась.*) Она чего не скажет. Говори, что хоть, как на мертвого. Чего ж она на Федьку Микишкина не сказывала? А это что ж, по нынешнему времени, значит, и пошутить нельзя? А ей вольно говорить.

Аким. Ой, Микишка, мотри! Неправда наружу выйдет. Было аль ист?

Никита (*в сторону*). Вишь, привязались, право. (*К Акиму.*) Сказываю, что ничего не знаю. Ничего у меня с ней не было. (*С злобой.*) Вот те Христос, не сойти мне с доски с этой. (*Крестится.*) Ничего знать не знаю. (*Молчание. Никита продолжает еще горячее.*) Что ж это вы меня на ней женить вздумали? Что ж, в самом деле, право, скандал. Нынче и нравов таких нет, чтоб силом женить. Очень просто. Да и побожился я – знать, не знаю.

Матрена (*на мужа*). То-то, глупая твоя башка, дурацкая; что ему наболтают, а он все-му и верит. Только напрасно малого оконфузил. А лучше как живет, так пускай и живет у хозяина. Хозяин нам теперь на нужду деся-

точку даст. А время придет, и женим.

Петр. Ну, как же, дядя Аким?

Аким (*щелкает языком; к сыну*). Мотри, Микита, обижена слеза, тае, мимо не канет, а все, тае, на человеческу голову. Мотри, как бы не того.

Никита. Да что смотреть-то, ты сам смотри. (*Садится.*)

Анютка. Пойти мамушке сказать. (*Убегает.*)

Явление четырнадцатое

Петр, Аким, Матрена и Никита.

Матрена (*к Петру*). Вот так-то всё, Петр Игнатич. Баламутный он у меня, втемяшит что в башку, не выбьешь никак; только даром тебя потревожили. А как жил малый, так пусть и живет. Держи малого – твой слуга.

Петр. Так как же, дядя Аким?

Аким. Что ж, я, тае, воли с малого не снимал, только бы не тае. Хотелось было, значит, тае...

Матрена. И что путаешь, сам не знаешь. Пусть живет, как жил. Малому и самому схо-

дить неохота. Да и куда нам его, сами управим.

Петр. Одно, дядя Аким: если ты его на лето сымешь, он мне на зиму не нужен. Уж жить, так в год.

Матрена. На год и залежится. Мы дома, в рабочую пору, коли что, наймем, а малый пусть живет, а ты нам теперича десяточку.

Петр. Так как же, еще на год?

Аким (*вздыхает*). Да что ж, уж, видно, тае, коли так, значит, видно, уж тае.

Матрена. Опять на год, от Митриевой субботы. В цене ты не обидишь, а десяточку теперь дай. Вызволь ты нас. (*Встает и кланяется.*)

Явление пятнадцатое

Те же, Анисья и Анютка. (Анисья садится к сторонке.)

Петр. Что ж? Коли так, так так – до трактира дойти и магарычи. Пойдем, дядя Аким, водочки выпьем.

Аким. Не пью я ее, вино-то, не пью.

Петр. Ну, чайку попьешь.

Аким. Чаем грешен. Чаем, точно.

Петр. И бабы-то чайку попьют. Ты, Микита, смотри, овец-то перегони да солому подбери.

Никита. Ладно.

Все уходят, кроме Никиты. Смеркается.

Явление шестнадцатое

Н*икита один.*

Никита (*закуривает папироску*). Вишь, пристали, скажи да скажи, как с девками гулял. Эти истории рассказывать долго будет. Женись, говорит, на ней. На всех да жениться – это жен много наберется. Нужно мне очень жениться, и так не хуже женатого живу, завидуют люди. И как это меня как толкнул кто, как я на образ перекрестился. Так сразу всю канитель и оборвал. Боязно, говорят, в неправде божиться. Всё одна глупость. Ничего, одна речь. Очень просто.

Явление семнадцатое

Никита и Акулина.

Акулина (входит в кафтане, кладет веревку, раздевается и идет в чулан). Ты бы хоть огонь засветил.

Никита. На тебя глядеть? Я тебя и так вижу.

Акулина. Ну тебя!

Явление восемнадцатое

Те же и Анютка.

Анютка (вбегает; к Никите шепотом). Микита, иди скорей, тебя человек один спрашивает, одна дыхнуть.

Никита. Какой человек?

Анютка. Маринка с чугулки. За углом стоит.

Никита. Врешь.

Анютка. Одна дыхнуть.

Никита. Чего же ей?

Анютка. Тебе приходится велела. Мне, гово-

рит, Миките только слово одно сказать надо. Стала я спрашивать, а она не рассказывает. Только спросила: правда ли, что он от вас сходит? А я говорю: неправда, его отец хотел снять да женить, да он отказался, у нас на год еще остался. А она и говорит: пошли ты его ко мне, ради Христа. Мне, говорит, непременно нужно ему слово сказать. Она уж давно ждет. Иди же к ней.

Никита. Ну ее к богу. Куда я пойду?

Анютка. Она говорит, коль не придет, я сама в избу к нему пойду. Одна дыхнуть, приду, говорит.

Никита. Небось постоит да уйдет.

Анютка. Аль, говорит, его на Акулине женить хотят?

Акулина (*подходит к Никите за своей прялкой*). Кого на Акулине женить?

Анютка. Микиту.

Акулина. Легко ль? Да кто говорит-то?

Никита. Да, видно, люди говорят. (*Смотрит на нее, смеется.*) Акулина, что, пойдешь за меня?

Акулина. За тебя-то? Може, допрежь и пошла бы, а теперь не пойду.

Никита. Отчего теперь не пойдешь?

Акулина. А ты меня любить не будешь.

Никита. Отчего не буду?

Акулина. Тебе не велят. *(Смеется.)*

Никита. Кто не велит?

Акулина. Да мачеха. Она все ругается, все за тобой глядит.

Никита *(смеется)*. Вишь ты! Однако ты приметливая.

Акулина. Я-то? Что мне примечать? Разве я слепая? Нынче она батю пузырила, пузырила. Ведьма она толстомордая. *(Уходит в чулан.)*

Анютка. Никита! глянь-ка. *(Глядит в окно.)*
) Идет. Однова дыхнуть, она. Я уйду. *(Уходит.)*

Явление девятнадцатое

Никита, Акулина в чулане и Марина.

Марина (входит). Что ж это ты со мной делаешь?

Никита. Что делаю? Ничего не делаю.

Марина. Отречься хочешь?

Никита (сердито подымаясь). Ну, к чему подобно, что пришла?

Марина. Ах, Микита!

Никита. Чудные вы, право. Зачем пришла?

Марина. Микита!

Никита. Ну что Микита? Микита и есть. Чего надо-то? Иди, говорю.

Марина. Так, вижу, бросить, позабыть хочешь?

Никита. Что помнить-то? Сами не знают. За углом стояла, Анютку послала, не пришел я к тебе. Значит, не надобна ты мне, очень просто. Ну и уйди.

Марина. Не надобна! Не надобна теперь стала. Поверила я тебе, что любить будешь. А потерял ты меня, и не надобна стала.

Никита. И все ни к чему ты это говоришь,

все несообразно. Ты и отцу наговорила. Уйди, сделай милость.

Марина. Сам знаешь, что никого, кроме тебя, не любила. Взял бы не взял замуж, я на то бы не обижалась. Не повинная перед тобой ничем. За что разлюбил? За что?

Никита. Нечего нам с тобою переливать из пустого в порожнее. Уйди ты. То-то бестолковые!

Марина. Не то мне больно, что обманул меня, жениться обещал, а что разлюбил. И не то больно, что разлюбил, а на другую променял, — на кого, знаю я!

Никита (*злбно идет к ней*). Эх! С вашей сестрой разговаривать, никаких резонов не понимают; уйди, говорю, до худа доведешь.

Марина. До худа? Что ж, меня бить будешь? Бей, на! Что морду-то отворотил? Эх, Никита.

Никита. Известно, нехорошо, народ придет. А что ж попусту толковать.

Марина. Так конец, значит, что было, то уплыло. Позабыть велишь! Ну, Никита, помни. Берегла я свою честь девичью пуще глаза. Погубил ты меня ни за что, обманул. Не

пожалел сироту (*плачет*), отрекся от меня. Убил ты меня, да я на тебя зла не держу. Бог с тобой. Лучше найдешь – позабудешь, хуже найдешь – вспомянешь. Вспомянешь, Никита. Прощай, коли так. И любила ж я тебя. Прощай в последний. (*Хочет обнять его и берет за голову.*)

Никита (*вырываясь*). Эх! Разговаривать с вами. Не хочешь уходить, я сам уйду, оставайся тут.

Марина (*вскрикивает*). Зверь ты! (*В дверях.*) Не даст тебе бог счастья! (*Уходит, плача.*)

Явление двадцатое

Никита и Акулина.

Акулина (*выходит из чулана*). А пес ты, Никита.

Никита. А что?

Акулина. Как взвыла-то она. (*Плачет.*)

Никита. Ты-то чего?

Акулина. Чего? О...би...дел ты ее... Ты так-то и меня обидишь... пес ты. (*Уходит в чулан.*)

Явление двадцать первое

Н*икита один.*

Никита. *(Молчание.)* То-то неразбериха. Люблю я этих баб, как сахар; а нагресишь с ними – беда!

Занавес

Действие второе

Лица второго действия

Петр.
Анисья.

Акулина.

Анютка.

Никита.

Матрена.

Кума – соседка.

Народ.

Сцена представляет улицу и избу Петра. Слева от зрителя – изба в две связи, сени, с крыльцом в середине; справа – ворота и край двора. У края двора Анисья треплет пеньку. После первого действия прошло шесть месяцев.

Явление первое

А нисья одна.

Анисья (останавливается, прислушиваясь)
. Опять что-то бурчит. Должно, слез с печи.

Явление второе

А нисья и Акулина (входит с ведрами на ко-
ромысле).

Анисья. Кличет. Поди погляди, чего ему?
Во... орет.

Акулина. А ты-то что ж?

Анисья. Иди, говорят.

Акулина идет в избу.

Явление третье

Анисья одна.

Анисья. Измучил он меня. Не открывает, где деньги, да и все. Намедни в сенях был, должно там прятал. Теперь и сама не знаю где. Спасибо, расстаться с ними боится. Всё в доме они. Только б найти. А на нем вчерась не было. Теперь и сама не знаю где. Измучал меня на отделку.

Явление четвертое

Анисья и Акулина (выходит, повязываясь платком).

Анисья. Куда ты?

Акулина. Куды? А велел тетушку Марфу позвать. Позови, говорит, сестру ко мне. Я помру, говорит, нужно мне ей сказать слово.

Анисья (про себя). Сестру зовет. О, головушка моя! О-о! Должно, ей отдать хочет. Что стану делать! О! (Акулине.) Не ходи! Куда ты?

Акулина. За теткой.

Анисья. Не ходи, говорю, я сама схожу, а ты с бельем-то иди на речку. А то до вечера не успеешь.

Акулина. Да он мне велел.

Анисья. Иди, куда посылают. Сама, говорят, схожу за Марфой. Рубахи-то возьми с плетня.

Акулина. Рубахи? Да ты, мотри, не пойдешь. Он велел.

Анисья. Сказала, пойду. Анютка где?

Акулина. Анютка? Она телят стережет.

Анисья. Пошли ее, авось не разбегутся.

Акулина собирает белье и уходит.

Явление пятое

Анисья одна.

Анисья. Не пойтить – заругает, а пойтить – отдаст он сестре деньги. Пропадут все мои труды. И что делать, сама не знаю. Расскочилась моя голова. *(Продолжает работать.)*

Явление шестое

Анисья и Матрена *(входит с палочкой и узелком по-дорожному).*

Матрена. Бог помочь, ягодка.

Анисья *(оглядывается, бросает работу и всплескивает руками от радости).* Вот не чаяла, тетушка. Лучил же бог какого гостя ко времени.

Матрена. Ну, что?

Анисья. Уж я и в уме смешалась. Беда!

Матрона. Что ж, жив, сказывают?

Анисья. И не говори. Жить не живет и помирать не помирает.

Матрена. Деньги-то не передал кому?

Анисья. Сейчас за Марфой, за сестрой родной посылает. Должно, об деньгах.

Матрена. Видимое дело. Да не передал ли кому помимо?

Анисья. Некому. Я, как ястреб, над ним стерегу.

Матрена. Да где ж они?

Анисья. Не рассказывает. И не дознаюсь никак. Хоронит где-то из одного места в другое. А мне тоже от Акульки нельзя. Дура-дура, а тоже подсматривает, караулит. О, головушка моя! Измучилась я.

Матрена. Ох, ягодка, отдаст денежки помимо твоих рук, век плакаться будешь. Сопхают они тебя со двора ни с чем. Маялась ты, маялась, сердечная, век-то свой с немилым, да и вдовой с сумой пойдешь.

Анисья. И не говори, тетка. Изныло мое сердце, и не знаю, как быть, и посоветовать не с кем. Говорила Миките. А он робеет, не хочет в это дело вступать. Только сказал мне вчерась, что в полу они.

Матрена. Что ж, лазила?

Анисья. Нельзя – сам тама. Я примечаю, – он их то на себе носит, то хоронит.

Матрена. Ты, деушка, помни: раз маху дашь, век не справишься. (*Шепотом.*) Что ж, крепкого чаю-то давала?

Анисья. О-о! (*Хочет отвечать, видит соседку, замолкает.*)

Явление седьмое

Те же и кума (*проходит мимо избы, прислушивается к крику в избе. К Анисье.*)

Кума. Кума! Анисья, а Анисья! Твой, никак, кличет.

Анисья. Он все так кашляет, ровно кричит. Плох уж очень.

Кума (*подходит к Матрене*). Здорово, баушка, отколь бог несет?

Матрена. А из двора, милая. Сынка проведать пришла. Рубах принесла. Тоже свое детище, ведашь, жалко.

Кума. Да уж такое дело. (*К Анисье.*) Хотела, кума, кросна белить, да, думается, рано. Люди не зачинали.

Анисья. Куда спешить-то?

Матрена. Что ж, сообщали?

Анисья. Как же, вчерась поп был.

Кума. Поглядела я вчера же тоже, матушка моя, и в чем душа держится. Измадел как. А уж наемдни, матушка моя, совсем помирал, под святые положили. Уж и оплакали, омыть собирались.

Анисья. Ожил – поднялся; опять бродит теперь.

Матрена. Что ж, соборовать станете?

Анисья. Люди приглашают. Коли жив будет, хотим завтра за попом посылать.

Кума. Ох, скучно, чай, тебе, Анисьюшка? Недаром толпится: не тот болен, кто болит, а кто над болью сидит.

Анисья. Уж как скучно-то. Да уж одно бы что.

Кума. Известно дело, легко ли, год целый помирает. По рукам связал.

Матрена. Тоже и вдовье дело горькое. Хорошо дело молодое, а на старости лет кто пожалеет. Старость – не радость. Хоть бы мое дело. Недалеко прошла, уморилась, ног не слышу. Сынок-то где?

Анисья. Пашет. Да ты заходи, самовар поставим, чайком душеньку отведешь.

Матрена (садится). А то уморилась, ми-

ленькие. А что соборовать – это беспрерывно надо. Люди говорят – тоже душе на пользу.

Анисья. Да завтра пошлем.

Матрена. То-то, оно лучше. А у нас, деушка, свадьба.

Кума. Что ж так, весной?

Матрена. Да, видно, пословица недаром молвится: бедному жениться и ночь коротка. Семен Матвеевич за себя Маринку взял.

Анисья. Нашла-таки себе счастье!

Кума. Вдовец, должно, на детей пошла.

Матрена. Четверо. Какая же путная пойдет! Ну, ее и взял. Она и рада. Вино пили, ведашь, стаканчик не крепкий был, – проливали.

Кума. Вишь ты! Слух-то был? А с достатком мужик-то?

Матрена. Живут ничего пока.

Кума. Оно точно, что на детей кто пойдет. Вот хоть бы у нас Михайло. Мужик-то, матушка моя...

Голос мужика. Эй, Мавра, куда тебя дьявол носит? Поди корову загони.

Соседка уходит.

Явление восьмое

Анисья и Матрена.

Матрена (пока соседка уходит, говорит ровным голосом). Выдали, деушка, от греха, по крайности мой дурак об Микишке думать не будет. (Вдруг переменяет голос на шепот.) Ушла! (Шепотом.) Что ж, говорю, чайком-то поила?

Анисья. И не поминай. Помирал бы лучше сам. Все одно не помирает, только греха на душу взяла. О-о! головушка моя! И зачем ты мне давала порошки эти?

Матрена. Что ж порошки? Порошки, деушка, сонные, что ж не дать? От них худа не будет.

Анисья. Я не про сонные, а про те, про белесые-то.

Матрена, Что ж, те порошки, ягодка, лекарственные.

Анисья (вздыхает). Знаю, да боязно. Измучал он меня.

Матрена. Что ж, много извела?

Анисья. Два раза давала.

Матрена. Что ж, не приметно?

Анисья. Я сама в чаю пригубила, чуть горчит. А он выпил с чаем-то, да и говорит: мне и чай-то противен. Я говорю: больному все горько. Да и жутко же мне стало, тетушка.

Матрена. А ты не думай. Что думать, то хуже.

Анисья. И лучше ты мне не давала бы и на грех не наводила. Как вспомнишь, так на душе загребтит. И зачем ты дала мне их?

Матрена. И, что ты, ягодка! Христос с тобой. Что ж ты на меня-то сворачиваешь? Ты, деушка, мотри, с больной головы на здоровую не сворачивай. Коли чего коснется, мое дело сторона, я знать не знаю, ведать не ведаю, – крест поцелую, никаких порошков не давала и не видала и не слыхала, какие такие порошки бывают. Ты, деушка, сама думай. Мы и то намеднись про тебя разговорились, как она, мол, сердечная, мается. Падчерица – дура, а мужик гнилой – присуха одна. С этой жизни чего не сделаешь.

Анисья. Да я и то не отрекусь. От моего житья не то что эти дела, а либо повеситься, либо его задушить. Разве это жизнь?

Матрена. То-то и дело. Рот разевать некогда. А как-никак, обыскать деньги да чайком попоить.

Анисья. О-о, головушка моя бедная! И что делать теперь, сама не знаю, и жутость берет, – помирал бы уж лучше сам. Тоже на душу брать не хочется.

Матрена (с злобой). А что ж он деньги-то не открывает? Что ж, он их с собой возьмет, никому не достанутся? Разве это хорошо? Помилуй бог, такие деньжищи да дурам пропадут. Разве это не грех? Что ж он-то делает? На него и смотреть?

Анисья. Уже и сама не знаю. Измучал он меня.

Матрена. Чего не знать-то? Дело на виду. Промашку теперь сделаешь, век каяться будешь. Передаст он сестре деньги, а ты оставайся.

Анисья. О-ох, и то посылал ведь за ней, – идти надо.

Матрена. А ты погоди ходить, а первым делом самоварчик поставь. Мы его чайком попоим да деньги вдвоем поищем – дощупаемся небось.

Анисья. О-о! Как бы чего не было.

Матрена. А то что ж? Что смотреть-то. Что ж ты деньги-то только глазами поваляешь, а в руки не попадут? Ты делай.

Анисья. Так я пойду самовар поставлю.

Матрена. Иди, ягодка, дело делай как надо, чтоб после не тужить. Так-то. (*Анисья отходит, Матрена подзывает.*) Одно дело: Микитке не сказывай про все дела. Он дурашный. Избави бог, узнает про порошки. Он бог знает что сделает. Жалостлив он очень. Он, ведашь, и курицы, бывало, не зарежет. Не сказывай ему. Беда, он того не рассудит. (*Останавливается о ужасе, на пороге показывается Петр.*)

Явление девятое

Те же и Петр (держась за стенку, выползает на крыльцо и кличет слабым голосом).

Петр. Что ж вас не дозовешься. О-ох! Анисья, кто здесь? (Падает на лавку.)

Анисья (выходит из-за угла). Чего вылез? Лежал бы, где лежал.

Петр. Что, за Марфой ходила девка-то?... Тяжко... Ох, хоть бы смерть скорее!..

Анисья. Недосуг ей, я ее на речку послала. Дай срок, управлюсь, сама схожу.

Петр. Анютку пошли. Где она? Ох, тяжко! Ох, смерть моя!

Анисья. Я и то послала за ней.

Петр. Ох! Где ж она?

Анисья. Где она там, пралик ее расшиби?

Петр. Ох, мочи моей нет. Сожгло нутро. Ровно буравцом сверлит. Что же меня бросили, как собаку... и напиться подать некому... Ох... Анютку пошли ко мне.

Анисья. Вот она, Анютка, иди к отцу.

Явление десятое

Те же и Анютка (вбегают, Анисья уходит за угол).

Петр. Поди ты... ох... к тетке Марфе, скажи: отец, мол, зовет, пришла чтоб, нужно мне.

Анютка. Ну что ж.

Петр. Постой. Скорее нужно, скажи. Скажи – помирать хочу. О-ох...

Анютка. Только платок возьму, а я сейчас. (Убегает.)

Явление одиннадцатое

Петр, Анисья и Матрена.

Матрена (подмигивая). Ну, деушка, дело свое помни. Иди в избу, везде ошарь. Ищи, как собака блох ищет; всё перебери, а я на нем обыщу.

Анисья (к Матрене). Сейчас. Все с тобой смелей как будто. (Подходит к крыльцу. К Петру.) Самовар не поставит ли тебе? И тетка Матрена к сыну пришла, – с ней попьете.

Петр. Что ж, поставь.

Явление двенадцатое

Петр и Матрена. *Матрена подходит к крыльцу.*

Петр. Здорово.

Матрена. Здравствуй, благодетель. Здравствуй, касатик. Хвораешь, видно, все. И старик мой как жалеет. Поди, говорит, проведай. Поклон прислал. *(Еще раз кланяется.)*

Петр. Помираю я.

Матрена. И то, посмотрю на тебя, Игнатъич, не по лесу, видно, а по людям боль-то ходит. Исчадел, исчадел ты весь, сердечный, погляжу на тебя. Не красит, видно, хворь-то.

Петр. Пришла смерть моя.

Матрена. Что ж, Петр Игнатыцч, божья воля, сообщили, особоруют, бог даст; баба у тебя, слава богу, умная, и похоронят и помянут, все честь честью. И мой сыночек тоже, поколе что, по дому хлопотать будет.

Петр. Приказать некому! Необстоятельна баба, глупостями занимается, ведь все знаю я... знаю... Девка дурковата, да и млада. Дом

собирал, а обдумать некому. Жаль тоже. (*Хнычет.*)

Матрена. Что ж, коли деньги или что, приказать можно...

Петр (*к Анисье в сенцы*). Пошла, что ль, Анютка-то?

Матрена (*в сторону*). Ишь, вспомнил.

Анисья (*из сеней*). В ту же пору пошла. Иди в избу-то, что ль, я проведу.

Петр. Дай посижу напоследях. Дух тяжкий там. Ткжко мне... Ох, сожгло сердце все... Хоть бы смерть...

Матрена. Бог души не выпет, сама душа не выйдет. В смерти и животе бог волен, Петр Игнатъич. Тоже и смерти не угадаешь. Бывает, и поднимешься. Так-то вот у нас в деревне мужик совсем уж было помирал...

Петр. Нет. Чую я, что нынче помру, чую. (*Прислоняется и закрывает глаза.*)

Явление тринадцатое

Те же и Анисья.

Анисья (входит). Ну что ж, пойдешь али нет? Тебя не дожدهшься. Петра? А Петра?

Матрена (отходит и манит к себе пальцем Анисью). Ну что ж?

Анисья (сходит с крыльца к Матрене). Нету.

Матрена. Да ты всё ли обыскала? В полу-то?

Анисья. И там нету. Нешто в пуньке. Вчера туда лазил.

Матрена. Ищи, пуще всего ищи. Как языком вылижи. А я примечаю – нынче и так помереть: ноготь синий, и на лицо земля пала. Самовар-то поспел, что ль?

Анисья. Закипать хочет.

Явление четырнадцатое

Те же и Никита (приходит с другой стороны, а если можно, приезжает на лошади к воротам; не видит Петра).

Никита (к матери). Здорово, матушка! Здоровы ли дома?

Матрена. Слава господу богу, живем, пока хлеб жуем.

Никита. Ну что, хозяин как?

Матрена. Тише, вон он сидит. (Показывает на крыльцо.)

Никита. Так что же, пуцай сидит. Мне чего?

Петр (открывает глаза). Микита, а Микита, подь-ка сюда.

Никита подходит. Анисья шепчется с Матреной.

Что рано приехал?

Никита. Допахал.

Петр. За мостом полоску пахал?

Никита. Туда далече ехать.

Петр. Далече? Из дома дальше. За нарочным поедешь. Заодно бы.

Анисья, не показываясь, прислушивается.

Матрена (*подходит*). Ах, сынок, что ж так хозяину не стараешься? Хозяин хворый, на тебя надеется, ты должен, как отцу родному, жилы вытягивай, а служи. Так я тебе приказывала.

Петр. Так ты того, ох!.. картошки повытаскай, бабы... о!.. переберут.

Анисья (*про себя*). Как же, и пошла я. Опять от себя всех услать хочет; должно, на нем теперь деньги-то. Куда-нибудь схоронить хочет.

Петр. А то, о-ох!.. сажать время придет, а они попрели. Ох, мочи нет. (*Поднимается.*)

Матрена (*вбегает на крыльцо, поддерживает Петра*). Аль в избу свесть?

Петр. Сведи. (*Останавливается.*) Микита!

Никита (*сердито*). Чего еще?

Петр. Не увижу тебя... Помру нынче... Прости меня, Христа ради, прости, когда согрешил перед тобой... Словом и делом, согрешил

когда... Всего было. Прости.

Никита. Что ж прощать, мы сами грешные.

Матрена. Ах, сынок, – ты почувствуй.

Петр. Прости, Христа ради. *(Плачет.)*

Никита *(сопит).* Бог простит, дядя Петр. Что ж, мне на тебя обижаться нечего. Я от тебя худого не видал. Ты меня прости. Может, я виноватее перед тобою. *(Плачет. Петр, хныкая, уходит. Матрена поддерживает его.)*

Явление пятнадцатое

Н*икита и Анисья.*

Анисья. О, головушка моя бедная! Неспроста он это. Задумал, видно, что. *(Подходит к Никите.)* Что ж ты сказывал, что деньги в полу, – нету там.

Никита *(не отвечает, плачет).* Я от него худого, окромя хорошего, ничего не видал. А я вот что сделал!

Анисья. Ну, буде. Деньги-то где?

Никита *(сердито).* А кто его знает. Ищи сама.

Анисья. Что больно жалостлив?

Никита. Жалко мне его. Как жалко его! Заплакал как! Э-эх!

Анисья. Вишь, жалость напала, есть кого жалеть! Он тебя собачил, собачил, и сейчас приказывал, чтоб согнать тебя со двора долой. Ты бы меня пожалел.

Никита. Да что тебя жалеть-то?

Анисья. Помрет, деньги скроет...

Никита. Небось не скроет...

Анисья. Ох, Никитушка! За сестрой ведь послал, ей отдать хочет. Беда наша, как нам жить будет, как он деньги отдаст. Ссунут они меня со двора! Уж ты бы похлопотал. Ты сказывал, в пуньку вечер лазял он?

Никита. Видел, он оттель идет, а куда сунул, кто его знает.

Анисья. О, головушка, пойду там поищу.

Явление шестнадцатое

Те же и Матрена (выходит из избы, спускается к Анисье и Никите, шепотом).

Матрена. Никуда не ходи, деньги на нем, я ощупала, на гайтане они.

Анисья. О, головушка моя бедная!

Матрена. Теперь сморгаешь, ищи тогда на орле – на правом крыле. Сестра придет – и прощайся.

Анисья. И то придет, отдаст ей. Как быть-то? О, головушка!

Матрена. Как быть-то? А ты смотри сюда. Самовар-то вскипел, поди ты завари чайкю да налей ему (*шепотом*), да из грамотки-то всю высыпь, да попой его. Выпьет чашку, тогда и тащи. Небось не расскажет.

Анисья. О, боязно!

Матрена. Ты это не толкуй, живо делай, а я сестру-то постерегу, коли что. Оплошки не давай. Тащи деньги да и неси сюда, а Микита схоронит.

Анисья. О, головушка! Как приступить-ся-то и... и...

Матрена. Говорю, не толкуй; делай, как велю. Микита!

Никита. Чего?

Матрена. Ты тут постой, посиди на зава-
линке, коли что, дело будет.

Никита (*махая рукой*). Уж эти бабы придумают. Окончательно завертят. Ну вас совсем! Пойти и то – картонки повытаскать.

Матрена (*останавливает его за руку*). Говорю, постой.

Явление семнадцатое

Т*е же и Анютка (входит).*

Анисья. Ну, что?

Анютка. Она у дочери на огороде была, сейчас придет.

Анисья. Придет она, что делать будем?

Матрена (*Анисье*). Поспешь, делай, что велю.

Анисья. Уж сама не знаю – не знаю ничего, в уме сталось. Анютка! Иди, донюшка, к телятам, разбежались. Ох, не насмелюсь.

Матрена. Иди, что ль, самовар ушел, я чай.

Анисья. Ох, головушка моя бедная! (*Ухо-*

дит.)

Явление восемнадцатое

М*атрена и Никита.*

Матрена (*подходит к сыну*). Так-то, сынок. (*Садится рядом с ним на завалинку*.) Дело твое тоже обдумать надо, а не как-нибудь.

Никита. Да какое дело-то?

Матрена. А то дело, как тебе на свете прожить.

Никита. Как на свете прожить? Люди живут, так и я.

Матрена. Старик-то, должно, нынче помрет?

Никита. Помрет, царство небесное. Мне-то что?

Матрена (*все время говорит и поглядывает на крыльцо*). Эх, сынок! Живой живое и думает. Тут, ягодка, тоже ума надо много. Ты как думаешь, я по твоему делу по всем местам толкалась, все ляжки измызгала, об тебе хлопотамши. А ты помни, тогда меня не забудь.

Никита. Да о чем хлопотала-то?

Матрена. О деле о твоём, об судьбе об твоей. Загодя не похлопотать, ничего и не будет. Иван Мосеича знаешь? Я до него тоже притолчна. Зашла намеренно. Я ему, ведаешь, тоже дело одно управила. Посидела, к слову разговорились. Как, говорю, Иван Мосеич, рассудить дело одно. Примерно, говорю, мужик вдовый, взял, примерно, за себя другую жену и, примерно, только и детей, что дочь от той жены да от этой. Что, говорю, как помрет мужик этот, можно ли, я говорю, войти на вдову эту в двор чужому мужику? Можно, я говорю, этому мужику дочерей замуж отдать и самому во дворе остаться? Можно, говорит, да только надо, говорит, старанья тут много. С деньгами, говорит, можно это дело оборудовать, а без денег, говорит, и соваться нечего.

Никита (смеется). Да уж это что говорить, только подавай им деньги-то. Денежки всем нужны.

Матрена. Ну, ягодка, я и открылась ему во всех делах. Первым делом, говорит, надо твоему сыночку в ту деревню приписаться. На это денежки нужно, — стариков попоить. Они, значит, и руки приложат. Все, говорит, надо с

умом делать. Глянь-ка сюда (достаёт из платка бумагу). Вот и бумагу отписал, почи-тай-ка, ведь ты дошлый. (Никита читает, Матрена слушает.)

Никита. Бумага, известно, приговор значит. Тут мудрости большой нет.

Матрена. А ты слухай, что Иван Мосеич приказывал. Пуще всего, говорит, тетка, смотри, чтоб денежки не упустить. Не ухватит, говорит, она деньги, не дадут ей на себя зятя принять. Деньги, говорит, всему делу голова. Так мотри. Дело, сынок, доходит.

Никита. Мне что? Деньги ее, она и хлопочи.

Матрена. Эка ты, сынок, судишь! Разве баба может обдумать? Если что и возьмет она деньги, где ж ей обдумать, — бабье дело известно, а ты все мужик. Ты, значит, можешь и спрятать и все такое. У тебя все-таки ума больше, коли чего коснется.

Никита. Эх! женское ваше понятие несостоятельное совсем.

Матрена. Как же необстоятельно! Ты заграбь денежки-то. Баба-то у тебя в руках будет. Если случаем и похрапывать начнет или

что, ей укороту можно сделать.

Никита. Ну вас совсем, пойду.

Явление девятнадцатое

Никита, Матрена и Анисья (выбегают бледная из избы за угол к Матрене).

Анисья. На нем и были. Вот они. (Показывает под фартуком.)

Матрена. Давай Микитке, он схоронит. Микитка, бери, схорони куда.

Никита. Что ж, давай.

Анисья. О-ох, головушка, да уж я сама, что ли. (Идет к воротам.)

Матрена (хватает ее за руку). Куда идешь? Хватятся, вон сестра идет, ему давай, он знает. Эка бестолковая!

Анисья (останавливается в нерешительности). О, головушка!

Никита. Что ж, давай, что ль, суну куда.

Анисья. Куда сунешь-то?

Никита. Аль робеешь? (Смеется.)

Явление двадцатое

Т*е же и Акулина (идет с бельем).*

Анисья. О-ох, головушка моя бедная! (*Отдает деньги.*) Микита, мотри.

Никита. Чего боишься-то? Туда запхаю, что и сам не найду. (*Уходит.*)

Явление двадцать первое

М*атрена, Анисья и Акулина.*

Анисья (*стоит в испуге*). О-ох!.. Что как он...

Матрена. Что ж, помер?

Анисья. Да помер, никак. Я снимала, он и не почуял.

Матрена. Иди в избу-то, вон Акулина идет.

Анисья. Что ж, я нагрешила, а он да что с деньгами...

Матрена. Буде, иди в избу, вот и Марфа идет.

Анисья. Ну, поверила я ему. Что-то будет. (*Уходит.*)

Явление двадцать второе

Марфа, Акулина, Матрена.

Марфа (идет с одной, Акулина с другой стороны. К Акулине). Я бы даве пришла, да к дочери пошла. Ну, что старик-от? Аль помирать хочет?

Акулина (снимает белье). А кто его знает. Я на речке была.

Марфа (указывая на Матрену). Это чья ж?

Матрона. А из Зуева, Микиты мать я, из Зуева, родимая. Здравствуйте. Изныл, изныл сердечный, братец-то. Сам выходил. Пошли мне, говорит, сестрицу, потому, говорит... О! да уж не кончился ли?

Явление двадцать третье

Те же и Анисья (выбегает из избы с криком, хватается за столбик и начинает выть).

О-о-о, и на кого-о-о и оставил и о-о-о и на ко-ого-о-о по-ки-и-нул о-о-о... вдовой горемычной... век вековать, закрыл ясны очи...

Явление двадцать четвертое

Те же и кума. Кума и Матрена подхватывают ее под руки. Акулина и Марфа идут в избу. Народ приходит.

Один голос из народа. Старух позвать, убирать надо.

Матрена (засучивает рукава). Вода в чугу-не-то есть, что ли? А то и в самоваре, я чай, есть. Не вылили. Потружусь и я.

Занавес

Действие третье

Лица третьего действия

А ^{ким.}
Анютка.

Никита.

Митрич – старик работник, отставной солдат.

Акулина.

Анисья.

Кума Анисьи.

Изба Петра. Зима. После второго действия прошло девять месяцев. Анисья ненарядная сидит за станом, ткёт. Анютка на печи. Митрич, старик работник.

Явление первое

Митрич (входит медленно, раздевается). О, господи помилуй! Что ж, не приезжал хозяин-то?

Анисья. Чего?

Митрич. Микита-то из города не бывал?

Анисья. Нету.

Митрич. Загулял, видно. О господи!

Анисья. Убрался на гумне-то?

Митрич. А то как же? Все как надо убрал, соломкой прикрыл. Я не люблю как-нибудь. О господи! Микола милослевый! (*Ковыряет мозоли.*) А то бы пора ему и быть.

Анисья. Чего ему торопиться. Деньги есть, гуляет с девкой, я чай...

Митрич. Деньги есть, так чего ж не гулять. Акулина-то почто в город поехала?

Анисья. А ты спроси ее, зачем туда нелегкая понесла.

Митрич. В город-то зачем? В городе всего много, только бы было на что. О господи!

Анютка. Я, матушка, сама слышала. Полушальчик, говорит, тебе куплю, одна дыхнуть, куплю, говорит; сама, говорит, выбе-

решь. И убралась она хорошо как: безрукавку
плисовую надела и платок французский.

Анисья. Уж и точно девичий стыд до поро-
га, а переступила – и забыла. То-то бесстыжая!

Митрич. Вона! Чего стыдиться-то? Деньги
есть, так и гуляй. О господи! Ужинать-то рано,
что ли?

Анисья молчит.

Пойти погреться пока что. (*Лезет на печь.*)
О господи, мать пресвятая богородица, Ми-
кола-угодник!

Явление второе

Т*е же и кума.*

Кума (*входит*). Не ворочался, видно, твой-то?

Анисья. Нету.

Кума. Пора бы. В наш трактир не заехал ли. Сестра Фекла сказывала, матушка моя, стоят там саней много из города.

Анисья. Анютка! а Анютка!

Анютка, Чего?

Анисья. Сбегай ты, донюшка, в трактир, посмотри, уж не туда ли он спьяна заехал?

Анютка (*спрыгивает с печи, одевается*). Сейчас.

Кума. И Акулину с собой взял?

Анисья. А то бы ехать незачем. Из-за нее дела нашлись. В банку, говорит, надо, получка вышла, а все только она его путает.

Кума (*качает головой*). Уж и что говорить.

Молчание.

Анютка (*в дверях*). А коли там, сказать что?

Анисья. Ты посмотри только, там ли?

Анютка. Ну что ж, я живо слетаю. (*Уходит.*)

Явление третье

Анисья, Митрич и кума. Долгое молчание.

Митрич (*рычит*). О господи, Микола милослевый.

Кума (*вздрагивая*). Ох, напугал. Это кто ж?

Анисья. Да Митрич, работник.

Кума. Ох, натращал как! Я и забыла. А что, кума, сказывали, сватают Акулину-то.

Анисья (*вылезает из-за стана к столу*). Посыкнулись было из Дедлова, да, видно, слушок-то есть и у них, посыкнулись было, да и молчок; так и запало дело. Кому же охота?

Кума. А из Зуева-то Лизуновы?

Анисья. Засылка была. Да тоже не сошлось. Он и к себе не примаает.

Кума. А отдавать бы надо.

Анисья. Уж как надо-то. Не чаю, кума, как со двора спихнуть, да не паит дело-то. Ему неохота. Да и ей тоже. Не нагулялся, видишь, еще с красавой-то с своей.

Кума. И-и-и! грехи. Чего вздумать нельзя. Вотчим ведь ей.

Анисья. Эх, кума. Оплели меня, обули так ловко, что и сказать нельзя. Ничего-то я сдуру не примечала, ничего-то я не думала, так и замуж шла. Ничегохонько не угадывала, а у них согласие уж было.

Кума. О-о, дело-то какое!

Анисья. Дальше – больше, вижу, от меня хорониться стали. Ах, кума, и уж тошно ж мне, тошно житье мое было. Добро б не любила я его.

Кума. Да что уж и говорить.

Анисья. И больно ж мне, кума, от него обиду такую терпеть. Ох, больно!

Кума. Что ж, сказывают, и на руку ерзок стал?

Анисья. Всего есть. Бывало, во хмелю смирен был. Зашибал он и допрежде того, да все, бывало, хороша я ему была, а нынче как надуется, так и лезет на меня, стоптать ногами хочет. Намедни в косы руками увяз, насилиу вырвалась. А уж девка хуже змеи, и как только таких злющих земля родит.

Кума. О-о-о! Кума, болезная ж ты, погляжу

я на тебя! Каково ж терпеть; нищего приняла, да он над тобой так измываться будет. Ты что ж ему укороту не сделаешь?

Анисья. Ох, кумушка милая! С сердцем своим что сделаю. Покойник на что строил был, а все ж я как хотела, так и вертела, а тут не могу, кумушка. Как увижу его, так и сердце все сойдет. Нет у меня против него и смелости никакой. Хожу перед ним, как куренок мокрый.

Кума. О-о, кума! Да это, видно, сделано над тобой что. Матрена-то, сказывают, этими делами занимается. Должно, она.

Анисья. Да уж я и сама, кума, думаю. Ведь как обидно другой раз. Кажется, разорвала б его. А увижу его, — нет, не поднимается на него сердце.

Кума. Видимое дело, напущено. Долго ль, матушка моя, испортить человека. То-то, погляжу я на тебя, куда что делось.

Анисья. Вовсе в лутошку ноги сошлись. А на дуру-то, на Акулину, погляди. Ведь растрепанная девка, нехалаявая, а теперь погляди-ка. Откуда что взялось. Да нарядил он ее. Расфуфырилась, раздулась, как пузырь на воде. Тоже,

даром что дура, забрала себе в голову: я, говорит, хозяйка. Дом мой. Батюшка на мне его и женить хотел. А уж зла, боже упаси. Разозлится, с крыши солому роет.

Кума. О-ох, житье твое, кума, погляжу. Завидуют тоже люди. Богаты, говорят. Да, видно, матушка моя, и через золото слезы льются.

Анисья. Есть чему завидовать. Да и богатство-то все так прахом пройдет. Мотает денежки, страсть.

Кума. Да что ж ты, кума, больно просто пустила? Деньги твои.

Анисья. Кабы ты все знала. А то сделала я промашку одну.

Кума. Я бы, кума, на твоём месте прямо до начальника до большого дошла. Деньги твои. Как же он может мотать? Таких правов нет.

Анисья. На это нынче не взирают.

Кума. Эх, кума, посмотрю я на тебя. Ослабла ты.

Анисья. Ослабла, милая, совсем ослабла. Замотал он меня. И сама ничего не знаю. О-о, головушка моя бедная!

Кума. Никак, идет кто? *(Прислушивается.)*

Отворяется дверь, и входит Аким.)

Явление четвертое

Т*е же и Аким.*

АКИМ *(крестится, обивает лапти и раздевается).* Мир дому сему. Здорово живете? Здорово, тетенька.

АНИСЬЯ. Здорово, батюшка. Из двора, что ль? Проходи, раздевайся.

АКИМ. Думал, тае, дай, значит, схожу, тае, к сынку, к сынку пройду. Не рано пошел, пообедал, значит, пошел; ан снежно как, тае, тяжело, идти тяжело, вот и, тае, запоздал, значит. А сынок дома? Дома сынок то есть?

АНИСЬЯ. Нетути; в городе.

АКИМ *(садится на лавку).* Дельце до него, то есть, тае, дельце. Сказывал, значит, ему на медни, тае, значит, об нужде сказывал, лошаденка извелась, значит, лошаденка-то. Объегорить, тае, надоть, лошаденку-то какую ни на есть, лошаденку-то. Вот и, тае, пришел, значит.

АНИСЬЯ. Сказывал Микита. Приедет, потолкуете. *(Встает к печи.)* Поужинай, а он подь-

едет. Митрич, иди ужинать, а Митрич?

Митрич (*рычит, просыпается*). Чего?

Анисья. Ужинать.

Митрич. О господи, Микола милослевый!

Анисья. Иди ужинать.

Кума. Я пойду. Ирощавайте. (*Уходит.*)

Явление пятое

Аким, Анисья и Митрич.

Митрич (*слезает*). И не видал, как заснул. О господи, Микола-угодник! Здорово, дядя Аким.

Аким. Э! Митрич! Ты что же, значит, тае?

Митрич. Да вот в работниках, у Никиты, у сына у твоего, живу.

Аким. Ишь ты! Значит, тае, в работниках у сына-то. Ишь ты!

Митрич. То в городе жил у купца, да пропился там. Вот и пришел в деревню. Причалу у меня нет, ну и нанялся. (*Зевает.*) О господи!

Аким. Что ж, тае, али, тае, Микишка-то что делает? Дело, значит, еще какое, что работни-ка, значит, тае, работника нанял?

Анисья. Какое ему дело? То управлялся

сам, а нынче не то на уме, вот и работника взял.

Митрич. Деньги есть, так что ж ему...

Аким. Это, тае, напрасно. Вот это совсем, тае, напрасно. Напрасно это. Баловство, значит.

Анисья. Да уж избаловался, избаловался, что и беда.

Аким. То-то, тае, думается, как бы лучше, тае, а оно, значит, хуже. В богатстве-то избалуется человек, избалуется.

Митрич. С жиру-то и собака бесится. С жиру как не избаловаться! Я вон с жиру-то как крутил. Три недели пил без просыпу. Последние портки пропил. Не на что больше, ну и бросил. Теперь зарекся. Ну ее.

Аким. А старуха-то, значит, твоя где же?..

Митрич. Старуха, брат, моя к своему месту пристроена. В городе по кабакам сидит. Щеголиха тоже – один глаз выдран, другой подбит, и морда на сторону строчена. А тверезая, в рот ей пирога с горохом, никогда не бывает.

Аким. О-о! Что же это?!

Митрич. А куда же солдатской жене место? К делу своему определена.

Молчание.

Аким (к Анисье). Что ж Никита-то в город, тае, повез что, продавать, значит, повез что?

Анисья (накрывает на стол и подает). Порожнем поехал. За деньгами поехал, в банке деньги брать.

Аким (ужинает). Что ж вы их, тае, деньги-то куда еще пределить хотите, деньги-то?

Анисья. Нет, мы не трогаем. Только двадцать или тридцать рублей; вышло, так взять надо.

Аким. Взять надо? Что ж их брать-то, тае, деньги-то? Нынче, значит, тае, возьмешь, завтра, значит, возьмешь, – так все их и, тае, переберешь, значит.

Анисья. Это окромя получай. А деньги все целы.

Аким. Целы? Как же, тае, целы? Ты бери их, а они, тае, целы. Как же, насыпь ты, тае, муки, значит, и всё, тае, в рундук, тае, или амбар, да и бери ты оттуда муку-то, – что ж она, тае, цела будет? Это, значит, не тае. Обманывают они. Ты это дознайся, а то обманут они.

Как же целы? Ты, тае, бери, а они целы.

Анисья. Уж я и не знаю. Нам тогда Иван Мосеич присудил. Положите, говорит, деньги в банку – и деньги целее, и процент получать будете.

Митрич (*кончил есть*). Это верно. Я у купца жил. У них всё так. Положи деньги да и лежи на печи, получай.

Аким. Чудно, тае, говоришь ты. Как же, тае, получай, ты, тае, получай, а им, значит, тае, с кого же, тае, получать-то? Деньги-то?

Анисья. Из банки деньги дают.

Митрич. Это что? Баба, она раздробить не может. А ты гляди сюда, я тебе все толки найду. Ты помни. У тебя, примерно, деньги есть, а у меня, примерно, весна пришла, земля пустует, сеять нечем, али податишки, что ли. Вот я, значит, прихожу к тебе. Аким, говорю, дай красненькую, а я уберусь с поля, тебе к покрову отдам да десятину уберу за уважение. Ты, примерно, видишь, что у меня есть с чего потянуть: лошаденка ли, коровенка, ты и говоришь: два ли, три ли рубля отдай за уважение, да и всё. У меня осел на шее, нельзя обойтись. Ладно, говорю, беру десятку. Осенью пе-

реверт делаю, приношу, а три рубля ты окроме с меня lupишь.

Аким. Да ведь это, значит, тае, мужики кривье как-то, тае, делают, коли кто, тае, бога забыл, значит. Это, значит, не к тому.

Митрич. Ты погоди. Она сейчас к тому же натрафит. Ты помни. Теперича, значит, ты так-то сделал, ободрал меня, значит, а у Анисьи деньги, примерно, залежные. Ей девать некуда, да и бабье дело – не знает, куда их пределить. Приходит она к тебе; нельзя ли, говорит, и на мои деньги пользу сделать. Что ж, можно, говоришь. Вот ты и ждешь. Прихожу я опять на лето. Дай, говорю, опять красненькую, а я с уважением... Вот ты и смекаешь: коли шкура на мне еще не ворочена, еще содрать можно, ты и даешь Анисьины деньги. А коли, примерно, нет у меня ни шиша, жрать нечего, ты, значит, разметку делаешь, видишь, что содрать нечего, сейчас и говоришь: ступай, брат, к богу, а изыскиваешь какого другого, опять даешь и свои и Анисьины пределяешь, того обдираешь. Вот это и значит самая банка. Так она кругом и идет. Штука, брат, умственная.

Аким (*разгорячась*). Да это что ж? Это, тае, значит, скверность. Это мужики, тае, делают так, мужики и то, значит, за грех, тае, почитают. Это, тае, не по закону, не по закону, значит. Скверность это. Как же ученые-то, тае...

Митрич. Это, брат, у них самое любезное дело. А ты помни. Вот кто поглупей, али баба, да не может сам деньги в дело произвести, он и несет в банку, а они, в рот им ситного пирога с горохом, цапают да этими денежками и облупляют народ-то. Штука умственная!

Аким (*вздыхая*). Эх, посмотрю я, тае, и без денег, тае, горе, а с деньгами, тае, вдвое. Как же так. Бог трудиться велел. А ты, значит, тае, положил в банку деньги, да и спи, а деньги тебя, значит, тае, поваля кормить будут. Скверность это, значит, не по закону это.

Митрич. Не по закону? Это, брат, нынче не разбирают. А как еще околузывают-то дочиста. То-то и дело-то.

Аким (*вздыхает*). Да уж, видно, время, тае, подходит. Тоже сортиры, значит, тае, посмотрел я в городе. Как дошли то есть. Выглажено, выглажено, значит, нарядно. Как трактир сделано. А ни к чему. Всё ни к чему. Ох, бога за-

были. Забыли, значит. Забыли, забыли мы бога-то, бога-то. Спасибо, родная, сыт, доволен.

Вылезают из-за стола; Митрич лезет на печь.

Анисья (*убирает посуду и ест*). Хоть бы отец усовестил, да и сказывать-то стыдно.

Аким. Чего?

Анисья. Так, про себя.

Явление шестое

Т*е же и Анютка. Анютка входит.*

Аким. А! умница. Все хлопчешь! Перезябла, я чай?

Анютка. И то озябла страсть. Здорово, дедушка.

Анисья. Ну, что? Тама?

Анютка. Нету. Только Андриян там из города, сказывал, видел их еще в городе, в трактире. Батя, говорит, пьяный-распьяный.

Анисья. Есть хочешь, что ли? На вот.

Анютка (*идет к печи*). Уж и холодно же. И руки зашлись.

Аким разувается. Анисья перемывает ложки.

Анисья. Батюшка!

Аким. Чего скажешь?

Анисья. Что ж, Маришка-то хорошо живет?

Аким. Ничаво. Живет. Бабочка, тае, умная, смиренная, живет, значит, тае, старается. Ничаво. Бабочка, значит, истовая, и все, тае, старательная и, тае, покорлива. Бабочка, значит, ничаво, значит.

Анисья. А что, сказывали, с вашей деревни, Маринкиному мужу родня, нашу Акулину сватать хотели. Что, не слыхать?

Аким. Это Мироновы? Болтали бабы что-то. Да невдомек, значит. Притаманно, значит, не знаю, тае. Старухи что-то сказывали. Да не памятлив я, не памятлив, значит. А что ж, Мироновы, тае, мужики, значит, тае, ничего.

Анисья. Уж не чаю, как просватать бы поскорее.

Аким. А что?

Анютка (*прислушивается*). Приехали.

Явление седьмое

Те же и Никита. (Входит Никита пьяный с мешком и узлом под мышкой и с покупками в бумаге, отворяет дверь и останавливается.)

Анисья. Ну, не замай их. (Продолжает мыть ложки и не поворачивает головы, когда отворяется дверь.) Никита. Анисья, жена! Кто приехал?

Анисья *взглядывает и отворачивается.*
Молчит.

Никита (грозно). Кто приехал? Аль забыла?

Анисья. Будет форсить-то. Иди.

Никита (еще грознее). Кто приехал?

Анисья (подходит к нему и берет за руку).

Ну, муж приехал. Иди в избу-то.

Никита (упирается). То-то, муж. А как звать мужа-то? Говори правильно.

Анисья. Да ну тебя – Микитой.

Никита. То-то! Невежа – по отчеству говори.

Анисья. Акимыч. Ну!

Никита (*всё в дверях*). То-то. Нет, ты скажи, фамилия как?

Анисья (*смеется и тянет за руку*). Чиликин. Эка надулся!

Никита. То-то. (*Удерживается за косяк*.) Нет, ты скажи, какой ногой Чиликин в избу ступает?

Анисья. Ну, буде – настудишь.

Никита. Говори, какой ногой ступает? Обязательно сказать должна.

Анисья (*про себя*). Надоест теперь. Ну, левой. Иди, что ль.

Никита. То-то.

Анисья. Ты глянь-ка, в избе-то кто.

Никита. Родитель? Что ж, я родителем не гнушаюсь. Родителю могу уважение исдедать. Здорово, батюшка. (*Кланяется ему и подает руку.*) Наше вам почтение.

Аким (*не отвечая*). Вино-то, вино-то, значит, что делает. Скверность!

Никита. Вино? Что выпил? Это окончательно виноват, выпил с приятелем, проздравил.

Анисья. Иди ложись, что ль.

Никита. Жена, где я стою, говори.

Анисья. Ну, ладно, иди ложись.

Никита. Я еще самовар с родителем пить буду. Ставь самовар. Акулина, иди, что ль.

Явление восьмое

Т*е же и Акулина.*

Акулина *(нарядная, идет с покупками. К Никите).* Ты что ж все расшвырял. Пряжа-то где?

Никита. Пряжа? Пряжа там. Эй, Митрич! Где ты там? Заснул? Иди лошадь убери.

Аким *(не видит Акулины и смотрит на сына).* Что делает-то! Старик, значит, тае, уморился, значит, молотил, а он, тае, надулся. Лошадь убери. Тьфу! Скверность!

Митрич *(слезает с печи, обувает валенки).* О господи милословый! На дворе лошадь-то, что ль? Уморил, я чай. Ишь, дуй его горой, на-лакался как. Доверху. О господи! Микола-угодник. *(Надевает шубу и идет на двор.)*

Никита *(садится).* Ты меня, батюшка, прости. Выпил, это точно, ну, что ж делать? И курица пьет. Так, что ль? А ты меня прости. Что

ж, Митрич – он не обижается, он уберет.

Анисья. Вправду ставить самовар-то?

Никита. Ставь. Родитель пришел, я с ним говорить хочу, чай пить буду. *(К Акулине.)* Покупку-то всю вынесла?

Акулина. Покупку? Свое взяла, а то в саях. Вот это на, не моя. *(Кидает на стол сверток и убирает в сундук покупку. Анютка смотрит, как Акулина укладывает; Аким не глядит на сына и убирает онучи и лапти на печь.)*

Анисья *(уходит с самоваром).* И так полон сундук, – еще накупил.

Явление девятое

Аким, Акулина, Анютка и Никита.

Никита (берет на себя трезвый вид). Ты, батюшка, на меня не обижайся. Ты думаешь, я пьян. Я положительно все могу. Потому пей, да ума не теряй. Я с тобой, батюшка, сейчас разговаривать могу. Все дела помню. Насчет денег приказывал, лошаденка извелась – помню. Это все возможно. Это все у нас в руках. Если бы сумма денег требовалась огромная, тогда можно было бы повременить, а то это все могу! Вот они!

Аким (продолжает возиться с оборками). Эх, малый, тае, значит, вешний путь, тае, не дорога...

Никита. Это ты к чему? С пьяным речь не беседа? Да ты не сумлевайся. Чайку попьем. А я все могу, положительно все дела исправить могу.

Аким (качает головой). Э, эх-хе-хе!

Никита. Деньги, вот они. (Лезет в карман, достает бумажник, вертит бумажки, достает десятирублевую.) Бери на лошадь. Бери на

лошадь, я родителя не могу забыть. Обязательно не оставлю. Потому родитель. На, бери. Очень просто. Не жалею. (*Подходит и сует Акиму деньги. Аким не берет денег.*)

Никита (*хватает за руку*). Бери, говорят, когда даю, я не жалею.

Аким. Не могу, значит, тае, брать и не могу, тае, говорить с тобой, значит. Потому в тебе, тае, образа нет, значит.

Никита. Не пущу. Бери. (*Сует Акиму в руку деньги.*)

Явление десятое

Т*е же и Анисья.*

Анисья (*входит и останавливается*). Да ты уж возьми. Ведь не отстанет.

Аким (*берет, качая головой*). Эх, вино-то! Не человек, значит...

Никита. Вот так-то лучше. Отдашь – отдашь, а не отдашь – бог с тобой. Я вот как! (*Видит Акулину.*) Акулина, покажь гостинцы-то.

Акулина. Чего?

Никита. Покажь гостинцы.

Акулина. Гостинцы-то? Что их показы-

вать. Я уж убрала.

Никита. Достань, говорю: Анютке поглядеть лестно. Покажь, говорю, Анютке. Полушальчик-то развяжи. Подай сюда.

Аким. О-ох, смотреть тошно! *(Лезет на печь.)*

Акулина *(достает и кладет на стол).* Ну на, что их смотреть-то?

Анютка. Уж хороша же! Эта не хуже Степанидиной.

Акулина. Степанидиной? Куда Степанидина против этой годится. *(Оживляясь и развертывая.)* Глянь-ка сюда, доброта-то... Французская.

Анютка. И ситец же нарядный! У Машутки такой, только тот светлее, по лазоревому полю. Эта страсть хороша.

Никита. То-то!

Анисья проходит сердито в чулан, возвращается с трубой и столешником и подходит к столу.

Анисья. Ну вас, разложили.

Никита. Ты глянь-ка сюда!

Анисья. Чего мне глядеть! Не видала я, что ль? Убери ты. *(Смахивает рукой на пол полушальчик.)*

Акулина. Ты что швыряешься?.. Ты своим швыряй. *(Поднимает.)*

Никита. Анисья! Мотри!

Анисья. Чего смотреть-то?

Никита. Ты думаешь, я тебя забыл. Гляди сюда. *(Показывает сверток и садится на него.)* Тебе гостинец. Только заслужи. Жена, где я сижу?

Анисья. Будет куражиться-то. Не боюсь я тебя. Что ж, ты на чьи деньги гуляешь да своей жирехе гостинцы купляешь? На мои.

Акулина. Как же, твои! Украсть хотела, да не пришлось. Уйди, ты! *(Хочет пройти, толкает.)*

Анисья. Ты что толкаешься-то? Я те толкану.

Акулина. Толкану? Ну-ка, сунься. *(Напирает на нее.)*

Никита. Ну, бабы, бабы. Буде! *(Становится между ними.)*

Акулина. Тоже лезет. Молчала бы, про себя бы знала. Ты думаешь, не знают?

Анисья. Что знают? Сказывай, сказывай, что знают!

Акулина. Дело про тебя знаю.

Анисья. Шлюха ты, с чужим мужем живешь.

Акулина. А ты своего извела.

Анисья (*бросается на Акулину*). Брешешь.

Никита (*удерживает*). Анисья! Забыла?

Анисья. Что стращаешь? Не боюсь я тебя.

Никита. Вон! (*Поворачивает Анисью и выталкивает.*)

Анисья. Куда я пойду? Не пойду я из своего дома.

Никита. Вон, говорю. И ходить не смей.

Анисья. Не пойду. (*Никита толкает. Анисья плачет и кричит, цепляясь за дверь.*) Что ж это, из своего дома взашей гонят? Что ж ты, злодей, делаешь? Думаешь, на тебя и суда нет. Погоди ж ты!

Никита. Ну, ну!

Анисья. К старосте, к уряднику пойду.

Никита. Вон! говорю. (*Выталкивает.*)

Анисья (*из-за двери*). Удавлюсь!

Явление одиннадцатое

Никита, Акулина, Анютка и Аким.

Никита. Небось.

Анютка. О-о-о! Матушка милая, родимая. (*Плачет.*)

Никита. Как же, испугался я ее очень. Ты чего плачешь? Придет небось! Поди самовар погляди.

Анютка выходит.

Явление двенадцатое

Никита, Аким и Акулина.

Акулина (*собирает покупку, складывает*). Ишь, подлая, загваздала как! Погоди ж ты, я ей безрукавку изрежу. Пра, изрежу.

Никита. Выгнал я ее, ну чего ж ты?

Акулина. Новую шаль испачкала. Пра, сука, кабы она не ушла, я бельмы-то бы ей по-выдрала.

Никита. Будет серчать. Тебе что сер-

чать-то? Кабы я ее любил?

Акулина. Любил? Есть кого любить, толстомордую-то. Бросил бы ее тогда, ничего б не было. Согнал бы ее к черту. А дом все равно мой и деньги мои. Тоже хозяйка, говорит, хозяйка, какая она мужу хозяйка? Душегубка она, вот кто. С тобой то же сделает.

Никита. Ох, бабий кадык не заткнешь ничем. Что болтаешь, сама не знаешь.

Акулина. Нет, знаю. Не стану с ней жить. Сгоню со двора. Не может она со мной жить. Хозяйка тоже. Не хозяйка она, осторожная шкура.

Никита. Да буде. Чего тебе с ней делить? Ты на нее не гляди. На меня гляди. Я хозяин. Что хочу, то и делаю. Ее разлюбил, тебя полюбил. Кого хочу, того люблю. Моя власть. А ей арест. Она у меня вот где. (*Показывает под ноги.*) Эх, гармошки нет!

*На печи калачи,
На приступке каша,
А мы жить будем
И гулять будем;
А смерть придет,
Помирать будем.*

*На печи калачи,
На приступке каша...*

Явление тринадцатое

Те же и Митрич (входит, раздевается и лезет на печь).

Митрич. Подрались, видно, опять бабы-то! Поцапались. О господи! Микола милословый.

Аким (сидит с краю на печи, достает олучи, лапти и обувается). Пролезай, пролезай в угол-то.

Митрич (лезет). Все не разделят, видно. О господи!

Никита. Достань наливку-то. С чаем выпьем.

Явление четырнадцатое

Т*е же и Анютка.*

Анютка (входит к Акулине). Нянька, самовар уходит хочет.

Никита. А мать где?

Анютка. Она в сенцах стоит, плачет.

Никита. То-то. Зови ее, вели самовар несть. Да давай, Акулина, посуду-то.

Акулина. Посуду-то? Ну что ж. (Собирает посуду.)

Никита (достаёт наливку, баранки, селедки). Это, значит, себе, это бабе пряжа, карасин там в сенях. А вот и деньги. Постой. (Берет счеты.) Сейчас смекну. (Кидает.) Мука пшеничная восемь гривен, масло постное... Батюшке 10 рублей. Батюшка! Иди чай пить.

Молчание. Аким сидит на печи и перевивает оборы.

Явление пятнадцатое

Те же и Анисья.

Анисья (вносит самовар). Куда ставить-то?

Никита. Ставь на стол. Что, али сходила к старосте? То-то, говори да и откусывай. Ну, будет серчать-то. Садись, пей. (Наливает ей рюмку.) А вот и гостинчик тебе. (Подает сверток, на котором сидел. Анисья берет молча, качая головой.)

Аким (слезает и надевает шубу; подходит к столу, кладет на него бумажку). На деньги твои. Прибери.

Никита (не видит бумажку). Куда собрался одемши-то?

Аким. А пойду, пойду я, значит, простите Христа ради. (Берет шапку и кушак.)

Никита. Вот-те на! Куда пойдешь-то ночным делом?

Аким. Не могу я, значит, тае, в вашем доме, тае, не могу, значит, быть, быть не могу, простите.

Никита. Да куда ж ты от чаю-то?

Аким (подпоясывается). Уйду, потому, зна-

чит, нехорошо у тебя, значит, тае, нехорошо, Микишка, в доме, тае, нехорошо. Значит, плохо ты живешь, Микишка, плохо. Уйду я.

Никита. Ну, буде толковать. Садись чай пить.

Анисья. Что ж это, батюшка, перед людьми стыдно будет. На что ж ты обижаешься?

Аким. Обиды мне, тае, никакой нет, обиды нет, значит, а только что, тае, вижу я, значит, что к погибели, значит, сын мой, к погибели сын, значит.

Никита. Да какая погибель? Ты докажь.

Аким. Погибель-то, погибель, весь ты в погибели. Я тебе летось что говорил?

Никита. Да мало ты что говорил.

Аким. Говорил я тебе, тае, про сироту, что обидел ты сироту, Марину, значит, обидел.

Никита. Эк помянул. Про старые дрожжи не поминать двожды, то дело прошло...

Аким (*разгорячась*). Прошло? Не, брат, это не прошло. Грех, значит, за грех цепляет, за собою тянет, и завяз ты, Микишка, в грехе. Завяз ты, смотрю, в грехе. Завяз ты, погруз ты, значит.

Никита. Садись чай пить, вот и разговор весь.

Аким. Не могу я, значит, тае, чай пить. Потому от скверны от твоей, значит, тае, гнусно мне, дюже гнусно. Не могу я, тае, с тобой чай пить.

Никита. И, канителит. Иди к столу-то.

Аким. Ты в богатстве, тае, как в сетях. В сетях ты, значит. Ах, Микишка, душа надобна!

Никита. Какую ты имеешь полную праву в моем доме меня упрекать? Да что ж ты в самом деле пристал? Что я тебе мальчик дался, за виски драть! Нынче уж это оставили.

Аким. Это точно, слышал я нынче, что и тае, что и отцов за бороду трясут, значит, да на погибель это, на погибель, значит.

Никита (*сердито*). Живем, у тебя не просим, а ты ж к нам пришел с нуждой.

Аким. Деньги? Деньги твои вон они. Побираться, значит, пойду, а не тае, не возьму, значит.

Никита. Да буде, И что серчаешь, компанию расстраиваешь. (*Удерживает за руку.*)

Аким (*взвизгивает*). Пусти, не останусь. Лучше под забором переночую, чем в пакости

в твоей. Тьфу, прости господи! (Уходит.)

Явление шестнадцатое

Никита, Акулина, Анисья и Митрич.

Никита. Вот на!

Явление семнадцатое

Те же и Аким.

Аким (отворяет дверь). Опамятуйся, Микита. Душа надобна. (Уходит.)

Явление восемнадцатое

Никита, Акулина, Анисья и Митрич.

Акулина (берет чашки). Что ж, наливать, что ль?

Все молчат.

Митрич (рычит). О господи, помилуй мя грешного!

Все вздрагивают.

Никита (*ложится на лавку*). Ох, скучно, скучно, Акулька! Где ж гармошка-то?

Акулина. Гармошка-то? Ишь, хватился. Да ты ее чинить отдал. Я налила, пей.

Никита. Не хочу я. Тушите свет... Ох, скучно мне, как скучно! (*Плачет.*)

Занавес

Действие четвертое

Лица четвертого действия

Никита.

Митрич.

Матрена.

Соседка.

Анисья.

Кума.

Анютка.

Сват – угрюмый мужик.

Осень. Вечер. Месяц светит. Внутренность двора. В середине сенцы, направо теплая изба и ворота, налево холодная изба и погреб. В избе слышны говор и пьяные крики. Соседка выходит из сеней, манит к себе Анисьиному куму.

Явление первое

Кума и соседка.

Соседка. Чего ж Акулина-то не вышла?

Кума. Чего не вышла? И рада бы вышла, да недосуг, слышь. Приехали сваты невесту посмотреть, а она, матушка моя, в холодной лежит и глаз не кажет, сердечная.

Соседка. Да что ж так?

Кума. С глазу, говорит, живот схватило.

Соседка. Да неужто?!

Кума. А то что ж. *(Шепчет на ухо.)*

Соседка. Ну? Вот грех-то. А ведь дознаются сваты.

Кума. Где ж им дознаться. Пьяные все. Да больше за приданым гонятся. Легко ли, дают за девкой-то две шубы, матушка моя, расстегаев шесть, шаль французскую, холстов тоже много что-то да денег, сказывали, две сотни.

Соседка. Ну, уж это и деньгам не рад будешь. Срамота такая.

Кума. Шш... Сват, никак.

Замолкают и входят в сени.

Явление второе

Сват один выходит из сеней, икает.

Сват. Упарился. Жарко страсть. Простудиться маленько. (*Стоит, отдувается.*) И бог е знает как... что-то не того, не радуется... Ну, да как старуха...

Явление третье

Сват и Матрена.

Матрена (*выходит из сеней же*). А я смотрю: где сват, где сват? А ты, родной, во где... Ну, что ж, родимый, слава те господи, всё честь честью. Сватать не хвастать. А я хвастать и не училась. А как пришли вы за добрым делом, так, даст бог, и век благодарить будете. А невеста-то, ведашь, на редкость. Такой девки в округе поискать.

Сват. Оно так, да насчет денег не сморгать бы.

Матрена. А насчет денег не толкуй. Что ей от родителей награждение было, все при ней.

По нонешнему времени, легко ли, три полета.

Сват. Мы и не обижаемся, а свое детище. Все как получше хочется.

Матрена. Я тебе, сват, истинно говорю: кабы не я, в жисть бы тебе не найти. У них от Кормилиных тоже засылка была, уж я застояла. А насчет денег – верно сказываю: как покойник, царство небесное, помирал, так и приказывал, чтоб в дом вдова Микиту приняла, потому мне через сына все известно, а денежки, значит, Акулине. Ведь другой бы покорыстовался, а Микита все дочиста отдает. Легко ли, деньжищи какие.

Сват. Народ болтает, денег больше за ней приказано. Малый-то тоже провор.

Матрена. И, голубчики белые. В чужих руках ломоть велик; чо было, то и дают. Я тебе сказываю, ты все четки брось. Закрепляй тверже. Девка-то какая; как бобочек хорошая.

Сват. Оно так. Мы одно с бабой мекаем насчет девки-то. Что ж не вышла? Думаем, что ж, как хвораая?

Матрена. И, и... Она-то хвораая? Да против ней в округе нет. Девка как литая – не ущипнешь. Да ведь ты намедни видел. А работать

страсть. С глушинкой она, это точно. Ну, да червоточинка красному яблочку не покор. А что не вышла-то, это, ведашь, с глазу. Сделано над ней. И знаю, чья сука смастерила. Знали, ведашь, что сговор, ну, и напущено. Да я отговор знаю. Завтра встанет девка. Ты насчет девки не сумлевайся.

Сват. Да что ж, дело полагено.

Матрена. То-то, ты уж того, и не пяться. Да меня не забудь. Хлопотала я тоже. Уж ты не оставь...

Голос бабы из сеней. Ехать так ехать, иди, что ли, Иван.

Сват, Сейчас. (*Уходит.*)

Толпятся в сенях, уезжают.

Явление четвертое

А нисья и Анютка.

Анютка (выбегает из сеней и манит к себе Анисью). Матушка!

Анисья (оттуда). Чего?

Анютка. Мамушка, подь сюда, а то услышат. (Отходит с ней под сарай.)

Анисья. Ну чего? Где Акулина-то?

Анютка. Она в амбар ушла. Что она там делает, страсть! Однова дыхнуть, нет, говорит, мочи терпеть. Закричу, говорит, на весь голос. Однова дыхнуть.

Анисья. Авось подождет. Дай гостей проводим.

Анютка, Ох, мамушка! Тяжко ей как. Да и серчает. Напрасно, говорит, они меня пропивают. Я, говорит, не пойду замуж, я, говорит, помру. Мамушка, как бы она не померла! Страсть, я боюсь!

Анисья. Небось не помрет; а ты не ходи к ней. Иди.

Анисья и Анютка уходят.

Явление пятое

Митрич (один; идет от ворот и принимает метя подобрать натрушенное сено). О господи, Микола милослевый! Венища-то что выдули. Да и духу же напустили. Аж во дворе воняет. Да нет, не хочу, ну его! Вишь, нашвыряли сено-то! Есть не едят – только копают. Глядишь, вязанка. Дух-то! Ровно под носом. Ну его! (Зевает.) Спать время. Да неохота в избу идти. Так вокруг носу и вьется. Духовита ж, проклятая.

Слышно – уезжают.

Ну, уехали. О господи, Микола милослевый! Тоже хомутаются, друг дружку околпачивают. А пустое все.

Явление шестое

М*итрич и Никита.*

Никита (входит). Митрич! Иди, что ли, на печку, я подберу.

Митрич. Ну что ж; ты овцам кинь. Что ж, проводили?

Никита. Проводили, да неладно все. Уж и не знаю, как быть.

Митрич. Эка дерьма! Чего ж тут. На то спитательный. Там кто хошь его вырони, он все подберет. Давай сколько хошь, не спрашивают. Да еще деньги дают. Только поди в кормильцы. Нынче это просто.

Никита. Ты, Митрич, смотри, если что, лишнего не болтай.

Митрич. А мне что. Заметай след, как знаешь. Эка винищем от тебя разит как. Пойти в избу. (Уходит, зевая.) О господи!

Явление седьмое

Никита долго молчит; садится на сани.

Никита. Ну дела!

Явление восьмое

Никита и Анисья.

Анисья (*выходит*). Ты где ж тут?

Никита. Здесь.

Анисья. Чего сидишь? Ждать неколи. Сейчас выносить надо.

Никита. Что ж делать будем?

Анисья. Я тебе сказывала что. То и делай.

Никита. Да вы бы в воспитательный, коли что.

Анисья. Возьми да и неси, коли тебе охота. На пакости-то лаком. А на разделку-то слаб, вижу.

Никита. Что делать-то?

Анисья. Говорю, поди в погреб, яму вырой.

Никита. Да вы бы так как-нибудь.

Анисья (*передразнивая его*). Так как-ни-

будь. Нельзя, видно, так-то. А ты бы загодя думал. Иди, куда посылают.

Никита. Ах, дела, дела!

Явление девятое

Те же и Анютка.

Анютка. Мамушка! Бабка зовет. Должно, у няньки робеночек, однава дыхнуть, закричал.

Анисья. Что брешешь, пралик тебя расшиби. Котята там пицат. Иди в избу да спи. А то я тебя.

Анютка. Мамушка, милая, пра, ей-богу...

Анисья (*замахивается на нее*). Я тебя! Чтоб духу твоего не слыхала!

Анютка убегает.

Анисья (*Никите*). Поди, делай, что говорят. А то смотри! (*Уходит.*)

Явление десятое

Никита один, долго молчит.

Никита. Ну, дела! Ох, эти бабы. Беда! Ты, говорит, загодя думал бы. Когда загодя думать-то? Когда думать-то? Что ж, летось пристала эта Анисья. Ну, что ж? Разве я монах? Помер хозяин, что ж, я и грех прикрыл, как должно. Тут моей причины нет. Разве мало бывает так-то? А тут порошки эти. Разве я на это склонял ее? Да кабы я знал, я бы ее, суку, убил тогда! Право, убил бы? Участником в этих пакостях сделала, паскудница! И опостылела ж она мне с этого раза. Как мне мать сказала тогда, опостылела, опостылела она мне, не смотрели б на нее глаза. Ну, как с ней жить? И пошло это у нас!.. Стала эта девка вешаться. Что ж мне? Не я, так другой. А оно вон что! Опять-таки моей причины нет никакой. Ох, дела!.. *(Сидит задумавшись.)* Смелы ж эти бабы, – что придумали. Да не пойду я на это.

Явление одиннадцатое

Никита и Матрена (с фонарем и скребкой впопыхах выходит).

Матрена. Ты что ж сидишь, как курица на насесте? Тебе что баба велела? Готовь дело-то.

Никита. Да вы что ж делать-то будете?

Матрена. Да мы знаем, что делать. Ты-то свое дело справляй.

Никита. Запутляете вы меня.

Матрена. Ты что ж? Али пятиться думаешь? До чего дошло, ты и пятиться.

Никита. Ведь это какое дело! Живая душа тоже.

Матрена. Э, живая душа! Чего там, чуть душа держится. А куда его деть-то? Поди, понеси в воспитательный, – все одно помрет, а помолвка пойдет, сейчас расславят, и сядет у нас девка на руках.

Никита. А как узнают?

Матрена. В своем дому да не сделать дела? Так сделаем, что и не попахнет. Только делай, что велю. А то наше дело бабье, тоже без мужика никак нельзя. На-ка скребочку-то, да

слезь, да и справь там. А я посвечу.

Никита. Что справлять-то?

Матрена (*шепотом*). Ямку выкопай. А тогда вынесем и живо приберем там. Вон она опять кличет. Иди, что ль! А я пойду.

Никита. А что ж, помер он?

Матрена. Известно, помер. Только живей надо. А то народ не полегся. Услышат, увидят, – им все, подлым, надо. А урядник вечер проходил. А ты вот что. (*Подает скребку.*) Слезь в погреб-то. Там в уголку выкопай ямку, земляца мягкая, тогда опять заровняешь. Земля-матушка никому не скажет, как корова языком слижет. Иди же. Иди, родной.

Никита. Запутляете вы меня. Ну вас совсем. Право, уйду. Делайте одни, как знаете.

Явление двенадцатое

Т*е же и Анисья.*

Анисья (*из двери*). Что ж, выкопал он, что ли?

Матрена. Ты что ж ушла? Куда дела-то его?

Анисья. Веретьем прикрыла. Не слышать будет. Что ж он, выкопал?

Матрена. Не хочет!

Анисья (*выскакивает в бешенстве*). Не хочет! А в остроге вшей кормить хочет?! Сейчас пойду, все уряднику скажу. Пропадать заодно. Сейчас все скажу.

Никита (*оторопевши*). Что скажешь-то?

Анисья. Что? Все скажу! Деньги кто взял? Ты!

Никита молчит.

А яду кто давал! Я давала! Да ты знал, знал, знал! С тобой в согласье была!

Матрена. Да будет. Ты, Микишка, что костричишься? Ну, что ж делать? Потрудиться надо. Иди, ягодка.

Анисья. Ишь ты, чистяк какой! Не хочет! Надругался ты надо мной, да будет. Поездили ты на мне, да и мой черед пришел. Иди, говорю, а то я то сделаю!.. На скребку-то, на! Иди!

Никита. Да ну же; что пристала? *(Берет скребку, но жметя.)* Не захочу – не пойду.

Анисья. Не пойдешь? *(Начинает кричать.)* Народ! Э-э!

Матрена *(закрывает ей рот).* Что ты! Очумела! Он пойдет... Иди, сынок, иди, роженный.

Анисья. Сейчас караул закричу.

Никита. Да будет! Эх, народ этот. Да вы живей, что ли. Уж заодно. *(Идет к погребу.)*

Матрена. Да, уж дело такое, ягодка: умел гулять, умей и концы хоронить.

Анисья *(всё в волнении).* Измывался он надо мной с висюгой своей! Да будет! Пусть не я одна. Пусть-ка и он душегубец будет. Узнает, каково.

Матрена. Ну, ну, распалилась. А ты, деушка, не серчай, а потихоньку да помаленьку, как получше. Иди к девке-то. Он потрудится. *(Идет за ним с фонарем. Никита влезает в погреб.)*

Анисья. Ему и задушить велю отродье свое

поганое. *(Всё в волнении.)* Измучалась я одна, Петровы кости-то дергаючи. Пускай и он узнает. Не пожалею себя; сказала, не пожалею!

Никита *(из погребца)*. Посвети-ка, что ль!

Матрена *(светит; к Анисье)*. Копают. Иди неси.

Анисья. Постой над ним. А то он, подлый, уйдет. А я пойду вынесу.

Матрена. Мотри, окрестить не забудь. А то я потружусь. Крестик-то есть?

Анисья. Найду, я знаю как. *(Уходит.)*

Явление тринадцатое

Матрена *(одна)* и Никита *(в погребце)*.

Матрена. Тоже острабучилась как баба. Да и то сказать, обидно. Ну, да слава богу, дай это дело прикроем, в концы в воду. Спихнем девку без греха. Останется сынок жить покойно. Дом, слава богу, полная чаша. Тоже в меня не забудет. Без Матрены что б они были? Ничего б вы не обдумать. *(В погреб.)* Готово, что ли, сынок?

Никита *(вылезает, голова видна)*. Чего ж

там? Несите, что ль! Что валандаетесь? Делать так делать.

Явление четырнадцатое

Те же и Анисья. Матрена идет к сням и встречает Анисью. Анисья выходит с ребенком, завернутым в тряпье.

Матрена. Что ж, окрестила?

Анисья. А то как же? Насилу отняла, – не дает. *(Подходит и подает Никите.)*

Никита *(не берет)*. Да ты сама снеси.

Анисья. На, бери, говорю. *(Кидает ему ребенка.)*

Никита *(подхватывает)*. Живой! Матушка родимая, шевелится! Живой! Что ж я с ним буду...

Анисья *(выхватывает ребенка у него из рук и кидает в погреб)*. Задуши скорей, не будет живой. *(Сталкивает Никиту вниз.)* Твое дело, ты и прикончи.

Матрена *(садится на приступку)*. Жалостлив он. Трудно ему, сердечному. Ну, да что ж! Его грех тоже. *(Анисья стоит над погребом. Матрена садится на приступок крыльца, по-*

глядываает на нее и рассуждает.) И-и-и как испужался! Ну, да что ж? хоть и трудно, поми-мо-то нельзя. Куда денешься-то? Тоже, подумаешь, как другой раз просят детей! Ан, глядь, бог не дает, всё мертвеньких рожают. Вон хоть бы попадья. А тут не надо его, тут и живой. (Глядит к погребу.) Должно, покончил. (К Анисье.) Ну что?

Анисья (глядя в погреб). Доской прикрыл, на доску сел. Кончил, должно.

Матрена. О-ох! И рад бы не грешить, а что сделаешь?

Никита (вылезает, трясется весь). Жив все! Не могу! Жив!

Анисья. А жив, так куда ж ты? (Хочет остановить его.)

Никита (бросается на нее). Уйди ты! Убью я тебя! (Схватывает ее за руку, она вырывается, он бежит за ней с скребкой. Матрена бросается к нему навстречу, останавливает его. Анисья убегает на крыльцо. Матрена хочет отнять скребку. Никита на мать.) Убью, и тебя убью, уйди! (Матрена убегает к Анисье на крыльцо. Никита останавливается.) Убью. Всех убью!

Матрена. С испугу это. Ничего, сойдет это с него.

Никита. Что ж это они сделали? Что они со мной сделали? Пищал как... Как захрустит подо мной. Что они со мной сделали! И жив, все, право, жив! *(Молчит и прислушивается).* Пищит... Во пищит. *(Бежит к погребу.)*

Матрена *(к Анисье).* Идет, видно, зарыть хочет. Микита, тебе бы фонарь.

Никита *(не отвечая, слушает у погреба).* Не слышать. Примстилось. *(Идет прочь и останавливается.)* И как захрустят подо мной косточки. Кр... кр... Что они со мной сделали? *(Опять прислушивается.)* Опять пищит, право, пищит. Что ж это? Матушка, а матушка! *(Подходит к ней).*

Матрена. Что, сынок?

Никита. Матушка родимая, не могу я больше. Ничего не могу. Матушка родимая, пожалей ты меня!

Матрена. Ох, напугался же ты, сердечный. Поди, поди. Винца, что ль, выпей для смелости.

Никита. Матушка родимая, дошло, видно, до меня. Что вы со мной сделали? Как захру-

стят эти косточки, да как запищит!.. Матушка родимая, что вы со мной сделали! *(Отходит и садится на сани.)*

Матрена. Поди, родной, выпей. Оно, точно, ночным делом жутость берет. А дай срок, ободняет, да, ведашь, денек-другой пройдет, и думать забудешь. Дай срок, девку отдадим и думать забудем. А ты выпей, выпей поди. Я уж сама приберу в погребе-то.

Никита *(встряхивается).* Вино осталось там? Не запью ли?! *(Уходит. Анисья, стоявшая все время у сени, молча сторонится.)*

Явление пятнадцатое

М*атрена и Анисья.*

Матрена. Иди, иди, ягодка, а уж я потружусь, полезу сама, закопаю. Скребку-то куда он тут бросил? *(Находит скребку, спускается в погреб до половины.)* Анисья, подь-ка сюда, посвети, что ль?

Анисья. А он-то что ж?

Матрена. Да напугался больно. Напорно уж больно ты налегла на него. Не замай, опамтуется. Бог с ним, уж я сама потружусь. Фо-

нарь-то поставь тут. Я увижу. (*Матрена скрывается в погребу.*)

Анисья (*на дверь, куда ушел Никита*). Что, догулялся? Широко ты был, теперь, погоди, сам узнаешь каково. Пыху-то сбавишь.

Явление шестнадцатое

Те же и Никита (*выскакивает из сеней к погребу*).

Никита. Матушка, а матушка?

Матрена (*высовывается из погреба*). Чего, сынок?

Никита (*прислушивается*). Не зарывай, живой он. Разве не слышишь? Живой! Во... пищит. Во, внятно...

Матрена. Да где ж пищать-то? Ведь ты его в блин расплющил. Всю головку раздребезжил.

Никита. Что ж это? (*Затыкает уши.*) Все пищит! Решился я своей жизни. Решился! Что они со мной сделали?! Куда уйду я?! (*Садится на приступки.*)

Занавес

Вариант

Вместо явлений двенадцатого – четырнадцатого, пятнадцатого и шестнадцатого действия четвертого можно читать следующий вариант.

Сцена вторая

Изба первого действия.

Явление первое

Анютка раздетая лежит на коннике под кафтаном, Митрич сидит на хвосте и курит.

Митрич. Ишь, духу-то напустили, в рот им ситного пирога с горохом. Мимо лили добро-то. И табаком не заглушишь. Так в носу и вертит. О господи! Спать, видно. *(Подходит к лампочке, хочет завернуть.)*

Анютка *(вскакивает, садится).* Дедушка, не туши, голубчик!

Митрич. Чего не тушить?

Анютка. А на дворе-то гомонили как. *(Прислушивается.)* Слышишь, опять в амбар пошли?

Митрич. Тебе-то чего? Авось тебя не спрашивают. Ложись да и спи. А я вот заверну свет. *(Завертывает.)*

Анютка. Дедушка, золотой! не гаси совсем. Хоть в мышиный глазок оставь, а то жуть.

Митрич *(смеется)*. Ну, ладно, ладно. *(Присаживается подле нее.)* Чего жутко-то?

Анютка. Как не жутко, дедушка! Нянька как билась. Об рундук головой билась. *(Шепотом.)* Я ведь знаю... У ней ребеночек родиться хочет... Родился уж, никак...

Митрич. Эка егоза, залягай тебя лягушки. Все тебе знать надо. Ложись, да и спи.

Анютка ложится.

Вот так-то. *(Закрывает ее.)* Вот так-то. А то много знать будешь, скоро состаришься.

Анютка. А ты на печку пойдешь?

Митрич. А то куды ж? То-то глупая, посмотрю я. Все ей знать надо. *(Закрывает ее еще и поднимается идти.)* Вот так-то лежи, да и спи. *(Идет к печи.)*

Анютка. Разочек крикнул, а теперь не слышать.

Митрич. О господи, Микола милослевый!..
Чего не слышать-то?

Анютка. Робеночка.

Митрич. А нет его, так и не слышать.

Анютка. А я слышала, одна дыхнуть, слышала. Тооненько так.

Митрич. Много ты слышала. А слышала так, как вот такую-то девчонку, как ты, детосека в мешок посадил, да и ну ее.

Анютка. Какой такой детосека?

Митрич. А вот такой самый. (*Лезет на печь.*) И хороша ж печка нынче, тепла. Любо! О господи, Микола милослевый!

Анютка. Дедушка! Ты заснешь?

Митрич. А то что ж ты думала – песни играть буду?

Молчание.

Анютка. Дедушка, а дедушка! Копают! Ей-богу, копают, в погребе копают, слышь! Одна дыхнуть, копают!

Митрич. Чего не вздумает. Ночью копают. Кто копает? Корова чешется, а ты – копают! Спи, говорю, а то сейчас свет потушу.

Анютка. Голубчик, дедушка, не туши. Не буду. Ей-богу, не буду, одна дыхнуть, не буду. Страшно мне.

Митрич. Страшно? Ты не бойся ничего, вот и не будет страшно. А то сама боится и страшно, говорит. Как же не страшно, как ты боишься? Эка девчонка глупая какая.

Молчание. Сверчок.

Анютка (*шепотом*). Дедушка! А дедушка! Ты заснул?

Митрич. Ну, чего еще?

Анютка. Кака же така детосека?

Митрич. А вот така. Вот как попадетя такая же, как ты, – не спит, он придет с мешком, да девчонку шварк в мешок, да сам туда же с головой, подымет ей рубашонку, да и ну хлестать.

Анютка. Да чем же он хлестает?

Митрич. А веник возьмет.

Анютка. Да он там не увидит, в мешке-то,

Митрич. Небось увидит.

Анютка. А я его укушу.

Митрич. Нет, брат, его не укусишь.

Анютка. Дедушка, идет кто-то! Кто это? Ай, матушки родимые! Кто это?

Митрич. Идет, так идет. Чего ж ты? Мать, я чай, идет.

Явление второе

Т*е же и Анисья (входит).*

Анисья. Анютка!

Анютка притворяется, что спит.

Митрич!

Митрич. Чего?

Анисья. Что свет-то жжете? Мы в холодной ляжем.

Митрич. Да вот только убрался. Я потушу.

Анисья (*ищете сундуке и ворчит*). Как надо, его никак и не найдешь.

Митрич. Да ты чего ищешь-то?

Анисья. Крест ищу. Окрестить надо. Помилуй бог, помрет! Некрещеный-то! Грех ведь!

Митрич. А то как же, известно, порядок надо... Что, нашла?

Анисья. Нашла. (*Уходит.*)

Явление третье

М*итрич и Анютка.*

Митрич. То-то, а то бы я свой дал. О господи!

Анютка (*вскакивает и дрожит*). О-о, дедушка! Но засыпай ты, Христа ради. Страшно как!

Митрич. Да чего страшно-то?

Анютка. Помрет, должно, робеночек-то? У тетки Арины так же бабка окрестила, – он и помер.

Митрич. Помрет – похоронят.

Анютка. Да, может, он бы и не помер, да бабка Матрена тут. Ведь я слышала, что бабка-то говорила, одна дыхнуть, слышала.

Митрич. Чего слышала? Спи, говорю. Закройся с головой, да и все.

Анютка. А кабы жив был, я б его нянчила.

Митрич (*рычит*). О господи!

Анютка. Куды ж они его денут?

Митрич. Туда и денут, куда надо. Не твоя печаль. Спи, говорю. Вот мать придет – она тебя!

Молчание.

Анютка. Дедушка! А ту девчонку, ты сказывал, ведь не убили же?

Митрич. Про ту-то? О, та девчонка в дело вышла.

Анютка. Как ты, дедушка, сказывал, нашли-то ее?

Митрич. Да так и нашли.

Анютка. Да где ж нашли? Ты скажи.

Митрич. В ихнем доме и нашли. Пришли в деревню, стали солдаты шарить по домам, глядь – эта самая девчонка на пузе лежит. Хотели ее пришибить. Да так мне скучно стало, взял я ее на руки. Так ведь не дается. Отяжелела, как пять пудов в ней сделалось; а руками цапается за что попало, не отдерешь никак. Ну, взял я ее, да по головке, по головке. А шаршавая, как еж. Гладить, гладить – затихла. Помочил сухарика, дал ей. Поняла-таки. Погрызла. Что с ней делать? Взяли ее. Взяли, стали кормить да кормить, да так привыкла, с собой в поход взяли, так с нами и шла. Хороша девчонка была.

Анютка. Что ж, а некрещеная?

Митрич. А кто е знает. Сказывали, что не

вполне. Потому народ ненашенский.

Анютка. Из немцов?

Митрич. Эка ты: из немцов. Не из немцов, а азиаты. Они всё равно как жидаы, а не жидаы тоже. Из поляков, а азиаты. Крудлы, круглы прозвище им. Да уж забыл я. Девчонку-то мы Сашкой прозвали. Сашка, а хороша была. Ведь вот все забыл, а на девчонку, в рот ей ситного пирога с горохом, как сейчас гляжу. Только и помню из службы из всей. Как пороли, помню, да вот девчонка в памяти. Повиснет, бывало, на шее, и несешь ее. Такая девчонка была, что надо лучше, да некуда. Отдали потом. Ротного жена в дочери взяла. И в дело вышла. Жалели как солдаты!

Анютка. А вот, дедушка, тоже батя, я помню, как помирал. Ты еще не жил у нас. Так он позвал Микиту, да и говорит, прости меня, говорит, Микита... а сам заплакал. *(Вздыхает.)* Тоже как жалостно.

Митрич. А вот то-то и оно-то...

Анютка. Дедушка, а дедушка. Вот опять шумят чтой-то в погребе. Ай, матушки, сестрицы-голубушки! Ох, дедушка, сделают они что над ним. Загубят они его. Махонький ведь

он... О-о! (Закрывается с головой и плачет.)

Митрич (прислушивается). И впрямь что-то пакостят, дуй их горой. А пакостницы же бабы эти! Мужиков похвалить нельзя, а уж бабы... Эти как звери лесные. Ничего не боятся.

Анютка (поднимается). Дедушка, а дедушка!

Митрич. Ну, чего еще?

Анютка. Намедни прохожий ночевал, сказывал, что младенец помрет – его душка прямо на небу пойдет. Правда это?

Митрич. Кто е знает, должно так. А что?

Анютка. Да хоть бы и я померла. (Хнычет.)

Митрич. Помрешь, из счета вон.

Анютка. До десяти годов все младенец, душа к богу, может, еще пойдет, а то ведь изгадишься.

Митрич. Еще как изгадишься-то! Вашей сестре как не изгадиться? Кто вас учит? Чего ты увидишь? Чего услышишь? Только гнусность одну. Я хоть немного учен, а кое-что да знаю. Не твердо, а все не как деревенска баба. Деревенска баба что? Слякоть одна. Вашей сестры в России большие миллионы, а все,

как кроты слепые, – ничего не знаете. Как коровью смерть опахивать, привороты всякие, да как под насест ребят носить к курам – это знают.

Анютка. Мамушка и то носила.

Митрич. А то-то и оно-то. Миллионов сколько баб вас да девок, а все, как звери лесные. Как выросла, так и помрет. Ничего не видала, ничего не слыхала. Мужик – тот хоть в кабаке, а то и в замке, случаем, али в солдатстве, как я, узнает кое-что. А баба что? Она не то что про бога, она и про пятницу-то не знает толком, какая такая. Пятница, пятница, а спроси какая, она и не знает. Так, как щенята слепые ползают, головами в навоз тычутся. Только и знают песни свои дурацкие: го-го, го-го. А что го-го, сами не знают...

Анютка. А я, дедушка, Вотчу до половины знаю.

Митрич. Знаешь ты много! Да и спросить с вас тоже нельзя. Кто вас учит? Только пьяный мужик когда вожжами поучит. Только и ученья. Уж и не знаю, кто за вас отвечать будет. За рекрутов так с дядьки или с старшого спросят. А за вашу сестру и спросить не с ко-

го. Так, беспастушная скотина, озорная самая, бабы эти. Самое глупое ваше сословие. Пустое самое ваше сословие.

Анютка. А как же быть-то?

Митрич. А так и быть. Завернись с головой да и спи. О господи!

Молчание. Сверчок.

Анютка (*вскакивает*). Дедушка! Кричит кто-то, не путем кто-то! Ей-богу, право, кричит. Дедушка, милый, сюда идет.

Митрич. Говорю, с головой укройся.

Явление четвертое

Те же, Никита и Матрена.

Никита (*входит*). Что они со мной сделали? Что они со мной сделали?!

Матрена. Выпей, выпей, ягодка, винца-то. (*Достаёт вино и ставит.*) Что ты?

Никита. Давай. Не запью ли?

Матрена. Тише! Не спят ведь. На, выпей.

Никита. Что ж это? Зачем вы это вздумали? Снесли бы куда.

Матрена (*шепотом*). Посиди, посиди тут,

выпей еще, а то покури. Оно разобьет мысль-то.

Никита. Матушка родимая, дошло, видно, до меня. Как запищит, да как захрустят эти косточки – кр... кр... не человек я стал.

Матрена. И-и! Что говоришь несуразно совсем. Оно точно – ночным делом жутость берет, а дай ободняет, денек-другой пройдет, и думать забудешь. *(Подходит к Никите, кладет ему руку на плечо.)*

Никита. Уйди от меня. Что вы со мной сделали?

Матрена. Да что ты, сынок, в самом деле. *(Берет его за руку.)*

Никита. Уйди ты от меня! Убью! Мне теперь все нипочем. Убью!

Матрена. Ах, ах, напугался как! Да иди, что ль, спать-то.

Никита. Некуда мне идти. Пропал я!

Матрена *(качает головой).* Ох, ох, пойти убрать, а он обседитя, сойдет это с него. *(Уходит.)*

Явление пятое

Никита, Митрич, Анютка.

Никита (*сидит, закрыв лицо руками, Митрич и Анютка замерли*). Пищит, право, пищит, во, во... внятно. Зароет она его, право, зароет! (*Бежит в дверь.*) Матушка, не зарывай, живой он...

Явление шестое

Те же и Матрена.

Матрена (*возвращаясь, шепотом*). Да что ты, Христос с тобой! И что не примстится. Где же живому быть! Ведь и косточки-то все раздребезжены.

Никита. Давай еще вина. (*Пьет.*)

Матрена. Иди, сынок. Заснешь теперь, ничего.

Никита (*стоит, слушает*). Жив все... во... пищит. Разве не слышишь? Во!

Матрена (*шепотом*). Да нет же!

Никита. Матушка родимая! Решился я своей жизни. Что вы со мной сделали! Куда уйду я? (*Выбегает из избы, и Матрена за ним.*)

Явление седьмое

Митрич и Анютка.

Анютка. Дедушка, милый голубчик, заду-

шили они его!

Митрич (*сердито*). Спи, говорю. Ах ты, лягай тебя лягушки! Вот я тебя веником! Спи, говорю.

Анютка. Дедушка, золотой! Хватает меня ктой-то за плечушки, хватает ктой-то, лапами хватает. Дедушка, милый, одна дыхнуть, пойду сейчас. Дедушка, золотой,пусти ты меня на печь! Пуститы меня ради Христа... Хватает... хватает... А-а! (*Бежит к печке.*)

Митрич. Ишь натращали девчонку как. То-то пакостницы, лягай их лягушки. Ну! пролезай, что ль.

Анютка (*лезет на печь*). Да ты не уходи.

Митрич. Куда я пойду? Лезь, лезь! О господи, Микола-угодник, мать пресвятая богородица казанская... Натращали девчонку как. (*Прикрывает ее.*) То-то дурочка, право, дурочка... Натращали, право, паскудницы, в рот имситного пирога с горохом.

Занавес

Действие пятое

Лица пятого действия

Никита.

Анисья.

Акулина.

Аким.

Матрена.

Анютка.

Марина.

Муж Марины.

1-я девка.

2-я девка.

Урядник.

Извозчик.

Дружко.

Сваха.

Жених Акулины.

Староста.

Гости, бабы, девки, народ на свадьбе.

Сцена первая

Гумно. На первом плане одонье, слева ток, справа сарай гуменный. Открыты ворота сарая; в воротах солома; в глубине виден двор и слышны песни и бубенцы. Идут по дорожке мимо сарая к избе две девки.

Явление первое

Две девки.

1-я девка. Вот видишь, как прошли, и полусапожек не замарали, а слободой-то беда! – грязно...

Останавливаются, оттирают соломой ноги.

1-я девка (*глядит в солому и видит что-то*). Это что ж тут?

2-я девка (*разглядывает*). Митрич это, работник ихний. Вишь, налился как.

1-я девка. Да он не пил, никак?

2-я девка. До поднесенного дня, видно.

1-я девка. Глянь-ка, он, видно, сюда за соломой пришел. Вишь, и веревка в руках, да так и заснул.

2-я девка (*прислушивается*). Всё еще вели-

чают. Должно, еще не благословляли. Акулина-то, сказывали, и выть не выла.

1-я девка. Мамушка сказывала, неохотой идет. Ей вотчим пригрозил, а то бы в жисть не пошла. Ведь про нее что болтали!

Явление второе

Т*е же и Марина догоняет девок.*

Марина. Здорово, деушки!

Девки. Здорово, тетенька!

Марина. На свадьбу, миленькие?

1-я девка. Да уж отошла. Так, поглядеть.

Марина. Покличьте вы моего старика, Семена из Зуева. Знаете, я чай?

1-я девка. Как не знать? Родня он жениху, никак.

Марина. Как же, племянник моему хозяйну-то жених-от.

2-я девка. Что ж сама не идешь? На свадьбу да не идти.

Марина. Неохота, деушка, да и недосуг. Ехать надо. Мы не на свадьбу и сбирались. Мы с овсом в город. Покормить остановились, а старика-то моего и зазвали.

1-я девка. Вы к кому же заехали? К Федоро-

чу?

Марина. У него. Так я здесь постою, а ты покличь, миленькая, старика-то моего. Вызови, касатка. Скажи: баба твоя, Марина, велела ехать; товарищи запрягают.

1-я девка. Что ж, ладно, коли сама не пойдешь.

Девки уходят по тропинке ко двору. Слышны песни и бубенцы.

Явление третье

Марина одна.

Марина (задумывается). Пойти бы ничего, да неохота, потому не видалась я с ним с той самой поры, как отказался он. Другой год. А взглянула бы глазком, как живет он с своей с Анисьей. Говорят люди – нелады у них. Баба она грубая, характерная. Поминал, я чай, не раз. Позарился на прокладную жизнь. Меня променял. Ну да бог с ним, я зла не помню. Тогда обидно было. Ах, больно было! А теперь перетерлось на себе – и забыла. А поглядела б его... (Смотрит ко двору, видит Никиту.) Вишь ты! Яего ж это он идет? Али девки ему

сказали? Что ж это он от гостей ушел? Уйду я.

Явление четвертое

Марина и Никита (идет сначала повеся голову, махая руками, бормочет).

Марина. Да и сумрачный же какой!

Никита (видит Марину, узнает). Марина! Друг любезный, Маринушка! Ты чего!

Марина. Я за стариком за своим.

Никита. Что ж на свадьбу не пришла? Посмотрела б, посмеялась на меня.

Марина. Чего ж мне смеяться-то? Я за хозяином пришла.

Никита. Эх, Маринушка! (Хочет ее обнять.)

Марина (сердито отстраняется). А ты, Микита, эту ухватку оставь. То было, да прошло. За хозяином пришла. У вас он, что ль?

Никита. Не поминать, значит, старого? Не велишь?

Марина. Старое нечего поминать. Что было, то прошло.

Никита. И не воротится, значит?

Марина. И не воротится. Да ты что ж ушел-то? Хозяин, да со свадьбы ушел.

Никита (*садится на солому*). Что ушел-то? Эх, кабы знала ты да ведала!.. Скучно мне, Марина, так скучно, не глядели б мои глаза. Вылез из-за стола и ушел, от людей ушел, только бы не видать никого.

Марина (*подходит к нему ближе*). Что ж так?

Никита. А то, что в еде не заем, в питье не запью, во сне не засплю. Ах, тошно мне, так тошно! А пуще всего тошно мне, Маринушка, что один я и не с кем мне моего горя размыкать.

Марина. Без горя, Микита, не проживешь. Да я свое переплакала – и прошло.

Никита. Это про прежнее, про старинное. Эх, друг, переплакала ты, а мне вот дошло!

Марина. Да что ж так?

Никита. А то, что опостылело мне все мое житье. Сам себе опостылел. Эх, Марина, не умела ты меня держать, погубила ты меня и себя тоже! Что ж, разве это житье?

Марина (*стоит у сарая, плачет и удерживается*). Я на свое житье, Никита, не жалюсь. Мое житье – дай бог всякому. Я не жалюсь. Покаялась я тогда старику моему. Простил он

меня. И не попрекает. Я на свою жизнь не обижаюсь. Старик смирный и желанный до меня; я его детей одеваю, обмываю. Он меня тоже жалеет. Что ж мне жалиться. Так, видно, бог присудил. А твое житье что ж? В богатстве ты...

Никита. Мое житье!.. Только свадьбу тревожить не хочется, а вот взял бы веревку, вот эту (*берет в руки веревку с соломой*), да на перемете вот на этом перекинул бы. Да петлю расправил бы хорошенько, да влез на перемет, да головой туда. Вот моя жизнь какая!

Марина. Полно, Христос с тобой!

Никита. Ты думаешь, я в шутку? Думаешь, что пьян? Я не пьян. Меня нынче и хмель не берет. А тоска, съела меня тоска на отделку. Так заела, что ничто-то мне не мило! Эх, Маринушка, только я пожил, как с тобою, помнишь, на чугушке ночи коротали?

Марина. Ты, Микита, не вереди, где наболело. Я закон приняла и ты тож. Грех мой прощенный, а старое не пороши...

Никита. Что ж мне с своим сердцем делать? Куда деваться-то?

Марина. Чего делать-то? Жена у тебя есть,

на других не зарься, а свою береги. Любил ты Анисью, так и люби.

Никита. Эх, эта мне Анисья – полынь горькая, только она мне, как худая трава, ноги ошлела.

Марина. Какая ни есть – жена. Да что толковать! Поди лучше к гостям да мне мужа покликай.

Никита. Эх, кабы знала ты все дела... Да что говорить!

Явление пятое

Никита, Марина, муж ее и Анютка.

Муж Марины (*выходит от двора красный, пьяный*). Марина! Хозяйка! Старуха! Здесь ты, что ль?

Никита. Вот и твой хозяин идет, тебя кличет. Иди.

Марина. А ты что ж?

Никита. Я? Я полежу тут. (*Ложится в соломе.*)

Муж Марины. Где ж она?

Анютка. А вон она, дяденька, дле сарая.

Муж Марины. Чего стоишь? Иди на свадьбу-то! Хозяева велят тебе идти, честь сде-

лать. Сейчас поедет свадьба, и мы пойдем.

Марина (*выходит навстречу мужу*). Да неохота было.

Муж Марины. Иди, говорю. Выпьешь стаканчик. Петрунькю-шельмеца проздравишь. Хозяева обижаются, а мы во все дела поспеем. (*Муж Марины обнимает ее и, шатаясь, с ней вместе уходит.*)

Явление шестое

Никита и Анютка.

Никита (*поднимается и садится на соломе*). Эх, увидал я ее, еще тошней стало. Только и было жизни, что с нею. Ни за что про что загубил свой век; погубил я свою голову! (*Ложится.*) Куда денуться? Ах! Расступись, мать сыра земля!

Анютка (*видит Никиту и бежит к нему*). Батюшка, а батюшка! Тебя ищут. Все уже, и крестный, благословили. Однова дыхнуть, благословили. Уж серчают.

Никита (*про себя*). Куда денуться.

Анютка. Ты чего? Чего говоришь-то?

Никита. Ничего я не говорю. Что приста-
ла?

Анютка. Батюшка! пойдём, что ль? (*Никита молчит. Анютка тянет за руку.*) Батя, иди благословлять-то! Право слово, серчают, ругаются.

Никита (*выдергивает руку*). Оставь!

Анютка. Да ну же!

Никита (*грозит ей вожжами*). Ступай, говорю. Вот я тебя.

Анютка. Так я ж мамушку пришлю. (*Убегает.*)

Явление седьмое

Никита один.

Никита (*поднимается*). Ну как я пойду? Как я образ возьму? Как я ей в очи гляну? (*Ложится опять.*) Ох, кабы дыра в землю, ушел бы. Не видали б меня люди, не видал бы никого. (*Опять поднимается.*) Да не пойду я... Пропадай они совсем. Не пойду. (*Снимает сапоги и берет веревку; делает из нее петлю, прикидывает на шею.*) Так-то вот.

Явление восьмое

Никита и Матрена. Никита видит мать, снимает веревку с головы и ложится опять в солому.

Матрена (*подходит впопыхах*). Микита! А, Микита? Вишь ты, и голоса не подает. Микита, что ж ты, аль захмелел? Иди, Микитушка, иди, иди, ягодка. Заждался народ.

Никита. Ах, что вы со мной сделали? Не человек я стал.

Матрена. Да чего ты? Иди, родной, честь честью благословенье сделай, да и к стороне. Ждет ведь народ-от.

Никита. Как мне благословлять-то?

Матрена. Известно как. Разве не знаешь?

Никита. Знаю я, знаю я. Да кого благословлять-то буду? Что я с ней сделал?

Матрена. Что сделал? Эка вздумал поминать! Никто не знает: ни кот, ни кошка, ни поп Ерошка. А девка сама идет.

Никита. Как идет-то?

Матрена. Известно, из-под страху идет-то. Да идет же. Да что же делать-то? Тогда бы думала. А теперь ей упираться нельзя. И сватам тоже обиды нет. Смотрели два раза девку-то, да и денежки за ней. Все шито-крыто.

Никита. А в погребе-то что?

Матрена (*смеется*). Что в погребе? Капу-

ста, грибы, картошки, я чай. Что старое поминать?

Никита. Рад бы не поминал. Да не могу я. Как заведешь мысль, так вот и слышу. Ох, что вы со мной сделали?

Матрена. Да что ты в сам деле ломаешься?

Никита (*переворачивается ничком*). Ма-тушка! Не томи ты меня. Мне вот по куда до-шло.

Матрена. Да все ж надо. И так болтает на-род, а тут вдруг ушел отец, нейдет, благослов-лять не на смелится. Сейчас прикладать ста-нут. Как заробеешь, сейчас догадываться ста-нут. Ходи тором, не положат вором. А то бе-жишь от волка, напхаешься на ведмедя. Пуще всего виду не показывай, не робь, малый, а то хуже вознают.

Никита. Эх, запутляли вы меня!

Матрена. Да буде, пойдём. А выдь да благо-слови; всё как должно, честь честью, и делу конец.

Никита (*лежит ничком*). Не могу я.

Матрена (*сама с собой*). И что сделалось? Все ничего, ничего, да вдруг нашло. Напуще-ние, видно. Микитка, вставай! Гляди, вон и

Анисья идет, гостей побросала.

Явление девятое

Никита, Матрена и Анисья.

Анисья (нарядная, красная, выпивши). И хорошо как, матушка. Так хорошо, честно! И как народ доволен. Где ж он?

Матрена. Здесь, ягодка, здесь. В солому лег, да и лежит. Нейдет.

Никита (глядит на жену). Ишь, тоже пьяная! Гляжу, так с души прет. Как с ней жить? (Поворачивается ничком.) Убью я ее когда-нибудь. Хуже будет.

Анисья. Вишь куда, в солому забрался. Аль хмель изнял? (Смеется.) Полежала бы я с тобой тут, да неколи. Пойдем, доведу. А уж как хорошо в доме-то! Лестно поглядеть. И гармония! Играют бабы, хорошо как. Пьяные все. Уж так почестно, хорошо так!

Никита. Что хорошо-то?

Анисья. Свадьба, веселая свадьба. Все люди говорят, на редкость свадьба такая. Так честно, хорошо все. Иди же. Вместе пойдем... я выпила, да доведу. (Берет за руку.)

Никита (отдергивается с отвращением).

Иди одна. Я приду.

Анисья. Чего кауришься-то! Все беды избыли, разлучницу сбыли, жить нам только, радоваться. Всё так честно, по закону. Уж так я рада, что и сказать нельзя. Ровно я за тебя в другой раз замуж иду. И-и! народ как доволен! Все благодарят. И гости всё хорошие. И Иван Мосеич – тоже и господин урядник. Тоже повеличали.

Никита. Ну, и сиди с ними, – зачем пришла?

Анисья. Да и то идти надо. А то к чему пристало? Хозяева ушли и гостей побросали. А гости всё хорошие.

Никита (*встает, обирает с себя солому*). Идите, а я сейчас приду.

Матрена. Ночная-то кукушка денную перекувала. Меня не послушал, а за женой сейчас пошел. (*Матрена и Анисья идут.*) Идешь, что ль?

Никита. Сейчас приду. Вы идите, я следом. Приду, благословлять буду...

Бабы останавливаются.

Идите... а я следом. Идите же!

Бабы уходят. Никита глядит им вслед задумавшись.

Явление десятое

Никита один, потом Митрич.

Никита (*садится и разувается*). Так и пошел я! Как же! Нет, вы поищите, на перемете нет ли. Распростал петлю да прыгнул с перемета, и ищи меня. И вожжи, спасибо, тута. (*Задумывается.*) То бы размыкал. Какое ни будь горе, размыкал бы! А то вот оно где – в сердце оно, не вынешь никак. (*Приглядывается ко двору.*) Никак, опять идет. (*Передразнивает Анисью.*) «Хорошо, и хорошо как! Полежу с тобой!» У! шкуреха подлая! На ж тебе, обнимайся со мной, как с перемета снимут. Один конец. (*Схватывает веревку, дергает ее.*)

Митрич (*пьяный поднимается, не пуская веревку*). Не дам. Никому не дам. Сам принесу. Сказал, принесу солому – принесу! Микита, ты? (*Смеется.*) Ах, черт! Аль за соломой?

Никита. Давай веревку.

Митрич. Нет, ты погоди. Послали меня мужики. Я принесу... *(Поднимается на ноги, начинает сгребать солому, но шатается, справляется и под конец падает.)* Ее верх. Пересидела...

Никита. Давай вожжи-то.

Митрич. Сказал, не дам. Ах, Микишка, глуп ты, как свиной пуп. *(Смеется.)* Люблю тебя, а глуп ты. Ты глядишь, что я запил. А мне черт с тобой! Ты думаешь, ты мне нужен... Ты гляди на меня. Я унтер! Дурак, не умеешь сказать: унтер-офицер гренадерского ее величества самого первого полка. Царю, отечеству служил верой и правдой. А кто я? Ты думаешь, я воин? Нет, я не воин, а я самый последний человек, сирота я, заблудущий я. Зарекся я пить. А теперь закурил!.. Что ж, ты думаешь, я боюсь тебя? Как же! Никого не боюсь. Запил, так запил! Теперь недели две смолить буду, картошку под орех разделаю. До креста пропьюсь, шапку пропью, билет заложу и не боюсь никого. Меня в полку пороли, чтоб не пил я. Стегали, стегали... «Что, говорят, будешь?» Буду, говорю. Чего бояться дерма-то? Вон он я! Какой есть, такого бог заро-

дил. Зарекся не пить. Не пил. Теперь запил – пью. И не боюсь никого. Потому не вру, а как есть... Чего бояться, дерьма-то? На-те, мол, вот он я. Мне поп один сказывал. Дьявол – он самый хвастун. Как, говорит, начал ты хвастать, сейчас ты и заробеешь. А как стал робеть от людей, сейчас он, беспятый-то, сейчас и сцапал тебя и попер, куда ему надо. А как не боюсь я людей-то, мне и легко! Начхаю ему в бороду, лопатому-то, – матери его поросятины! Ничего он мне не сделает. На, мол, выкуси!

Никита (*крестится*). И что ж это я в самом деле? (*Бросает веревку.*)

Митрич. Чего?

Никита (*поднимается*). Не велишь бояться людей?

Митрич. Есть чего бояться, дерьма-то. Ты их в бане-то погляди. Все из одного теста. У одного потолще брюхо, а то потоньше, только и различки в них. Вона! кого бояться, в рот им ситного пирога с горохом!

Явление одиннадцатое

Никита, Митрич, Матрена (*выходит из дво-ра*).

Матрена (кличет). Что, идешь, что ли? Никита. Ох! Да и лучше так-то. Иду. (Идет ко двору.)

Занавес

Сцена вторая

Перемена декорации. Изба первого действия, полна народом, сидящим за столами, и стоящими. В переднем углу Акулина с женихом. На столе иконы и хлеб. В числе гостей Марина, муж ее и урядник. Бабы поют песни. Анисья разносит вино. Песни замолкают.

Явление первое

Анисья, Марина, муж Марины, Акулина, жених, извозчик, урядник, сваха, дружко, Матрена, гости и народ.

Извозчик. Ехать так ехать, а церковь разве близко.

Дружко. А вот дай срок, вотчим благословит. Да где ж он?

Анисья. Идет. Сейчас идет, миленькие. Ку-

шайте еще по стаканчику, не обижайте.

Сваха. Что ж долго? Уж с какого времени ждем.

Анисья. Придет. Сейчас придет. Стриженная девка косы не заплетет, тут будет. Кушайте, миленькие. *(Подносит вино.)* Сейчас идет. Поиграйте еще, красавицы, пока что.

Извозчик. Да уж все песни пропели ожидавши.

Бабы поют. Посередине песни входят Никита и Аким.

Явление второе

Те же, Никита и Аким.

Никита *(держит Акима за руку и подталкивает вперед себя)*. Иди, батюшка, без тебя нельзя.

Аким. Не люблю я, значит, тае...

Никита *(на баб)*. Буде, замолчите. *(Оглядывает всех в избе.)* Марина, ты тут?

Сваха. Иди, бери образ, благословляй.

Никита. Погоди, дай срок. *(Оглядывается.)* Акулина, ты здесь?

Сваха. Да что ты народ перекликаешь? Где

ж ей быть-то. Что он чудной какой...

Анисья. Батюшки родимые! Да что ж он разутый!

Никита. Батюшка! ты здесь? Гляди на меня. Мир православный, вы все здесь, и я здесь! Вот он я! *(Падает на колени.)*

Анисья. Микитушка, чтой-то ты? О, головушка моя!

Сваха. Вот на!

Матрена. Я и говорю: перепил он французского, что ли, много. Опамятуйся, что ты? *(Хотят поднять его, он не обращает ни на кого внимания, смотрит перед собой.)*

Никита. Мир православный! Виноват я, каяться хочу.

Матрена *(тащит его за плечо).* Что ты, с ума спятил? Миленькие, у него ум зашелся. Увести его надо.

Никита *(отстраняет ее плечом).* Оставьте! А ты, батюшка, слушай. Первое дело: Маринка, гляди сюда. *(Кланяется ей в ноги и поднимается.)* Виноват я перед тобой, обещал тебя замуж взять, соблазнил тебя. Тебя обманул, кинул, прости меня Христа ради! *(Опять кланяется в ноги.)*

Анисья. И чего разлопоушился? Не к лицу совсем. Что никто не спрашивает. Встань ты, что озорничаешь?

Матрена. О-ох, напущено это на него. И что это сделалось? Попорчен он. Встань. Что пустое болтаешь! *(Тянет его.)*

Никита *(мотает головой)*. Не тронь! Прости, Марина, грех мой перед тобой. Прости Христа ради.

Марина закрывается руками, молчит.

Анисья. Встань, говорю, что озорничаешь. Вспоминать вздумал. Буде форсить. Стыдно! О, головушка моя! Что это, очумел совсем.

Никита *(отталкивает жену, поворачивается к Акулине)*. Акулина, к тебе речь теперь. Слушайте, мир православный! Окаянный я. Акулина! виноват я перед тобой. Твой отец не своею смертью помер. Ядом отравили его.

Анисья *(вскрикивает)*. Головушка моя! Да что он?

Матрена. Не в себе человек. Уведите ж вы его.

Народ подходит, хочет взять его.

Аким (*отстраняет руками*). Постой! Вы, ребята, тае, постой, значит.

Никита. Акулина, я его ядом отравил. Прости меня Христа ради.

Акулина (*вскакивает*): Брешет он! Я знаю кто.

Сваха. Что ты? Ты сиди.

Аким. О господи! Грех-то, грех-то.

Урядник. Берите его! А старосту пошлите да понятых. Надо акт составить. Встань-ка ты, поди сюда.

Аким (*на урядника*). А ты, значит, тае, светлые пуговицы, тае, значит, погоди. Дай он, тае, скажет, значит.

Урядник (*Акиму*). Ты, старик, смотри не мешайся. Я должен составить акт.

Аким. Экий ты, тае. Погоди, говорю. Об ахте, тае, не толкуй, значит. Тут, тае, божье дело идет... кается человек, значит, а ты, тае, ахту...

Урядник. Старосту!

Аким. Дай божье дело отойдет, значит, тогда, значит, ты и, тае, справляй, значит.

Никита. Еще, Акулина, перед тобою грех

мой великий: соблазнил я тебя, прости Христа ради! *(Кланяется ей в ноги.)*

Акулина *(выходит из-за стола)*. Пусти меня, не пойду замуж. Он мне велел, а теперь не пойду.

Урядник. Повтори, что сказал.

Никита. Погодите, господин урядник, дайте досказать.

Аким *(в восторге)*. Говори, дитяtko, все говори, легче будет. Кайся богу, не бойся людей. Бог-то, бог-то! Он во!..

Никита. Отравил я отца, погубил я, пес, и дочь. Моя над ней власть была, погубил ее и ребеночка.

Акулина. Правда это, правда.

Никита. На погребнице доской ребеночка ее задушил. Сидел на нем... душил... а в нем косточки хрустели. *(Плачет.)* И закопал в землю. Я сделал, один я!

Акулина. Брешет. Я велела.

Никита. Не щити ты меня. Не боюсь я теперь никого. Прости меня, мир православный! *(Кланяется в землю.)*

Молчание.

Урядник. Вяжите его, свадьба ваша, видно, расстроилась.

Подходит народ с кушаками.

Никита. Погоди, поспеешь... (*Отцу кланяется в ноги.*) Батюшка родимый, прости и ты меня, окаянного! Говорил ты мне спервоначала, как я этой блудной скверной занялся, говорил ты мне: «Коготок увяз, и всей птичке пропасть», не послушал я, пес, твоего слова, и вышло по-твоему. Прости меня Христа ради.

Аким (*в восторге*). Бог простит, дитяtko родимое. (*Обнимает его.*) Себя не пожалел, он тебя пожалеет. Бог-то, бог-то! Он во!

Явление третье

Т*е же и староста.*

Староста (*входит*). Понятых и здесь много.

Урядник. Сейчас допрос снимем. Никиту вяжут.

Акулина (*подходит и становится рядом*). Я скажу правду. Допрашивай и меня.

Никита (*связанный*). Нечего допрашивать.

Все я один сделал. Мой и умысел, мое и дело.
Ведите куда знаете. Больше ничего не скажу.

Занавес